РОВЕСНИК

июнь

6'90

ISSN 0131—3991

С НАДЕЖДОЙ НА БУДУЩЕЕ

В конце ноября 1989 года на Генеральной Ассамблее ООН была принята Конвенция о правах ребенка, которую подписали и представители СССР. Работа над этой Конвенцией продолжалась в общей сложности двадцать лет. Каждое слово в ней выверено настолько тщательно, каждая статья продумана столь детально, что Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию без голосования.

По сложившейся традиции, нас, к сожалению, мало интересуют сообщения о резолюциях самой главной международной организации, даже если речь идет о правах человека. Не хватает правовой культуры, помогающей осознавать права личности не только и не столько в пределах отношений с районным участковым, сколько в масштабах мира.

А между тем ведущие специалисты по правам человека с таким тщанием готовили этот документ в расчете, что он затронет всех (в том числе и наших читателей), независимо от возраста, хотя непосредственно касается несовершеннолетних.

О чем эта Конвенция? Да, разумеется, о правах. Но еще она о твоем, читатель, будущем. О том, каким ты, обладающий этими правами, должен быть.

Товарищем. Братом, говорим мы, наблюдая, как все чаще мы друг для друга — просто никто. Число этих «никто» среди нас растет и будет расти до той поры, когда, придя на землю и спросив: «Есть здесь кто-нибудь?», вопрошающий не услышит ответа. И это будет страшная правда, если мы не поймем, что прежде всего, впереди всего самого хорошего, что есть в людях, человек человеку — защитник.

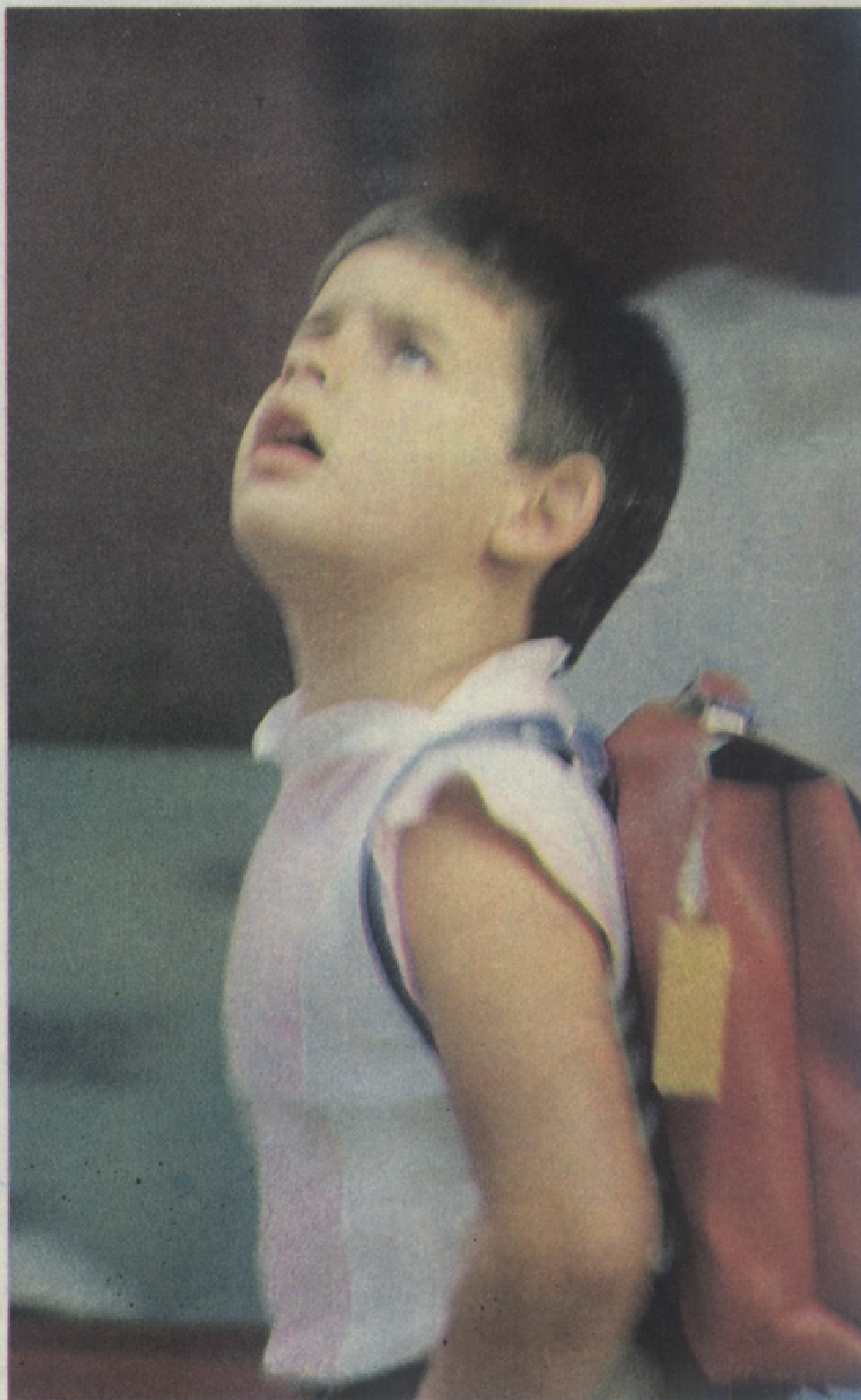
Вот тут-то мы и подходим к тому главному, что говорит Конвенция о твоем, читатель, будущем.

Что означает, например, признание такого, казалось бы, очевидного права, как право каждого ребенка на жизнь, зафиксированного в 6-й статье Конвенции? Разумеется, такое право есть у каждого. Но как часто чья-то халтура оборачивается покушением на него! Нужны примеры? Их, увы, не занимать. Халтура медработников обернулась трагедией Элисты, где дети были заражены СПИДом, халтура строителей — страшными жертвами Спитака, где, не выдержав подземных толчков, рассыпался бракованный цемент, халтура на хлопковых полях, нашпигованных дефолиантом, массовыми отравлениями школьников. Конвенция требует ответа за каждую из подобных халтур! Кстати, статья 32 прямо говорит о праве ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от принуждения к любой работе, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования...

А разве не от халтуры нужно будет наконец избавиться, чтобы, как этого требует 12-я статья Конвенции, обеспечить каждому, кто способен сформулировать свои взгляды, право свободно выражать их? От халтуры такого «воспитания», которое выводит в «отличники» и в школе, и в жизни умеющих промолчать.

Кажется, куда проще — пусть говорят, но, как видно, нет, все сложнее, потому что вопрос тут уже и не о взглядах, а о том, что взгляды эти — один из винтиков в сложном механизме справедливости, который должен работать без перебоев. Тогда не нужно было бы в международной Конвенции особо оговаривать право каждого ребенка пользоваться наиболее совершенной системой здравоохранения (статья 24) и жить в соответствии с уровнем жизни, необходимым для умственного, духовного, нравственного и социального развития (статья 27).

Многое должно будет измениться, если те права, о которых говорится в Конвенции, станут, как им и положено, неотъемлемыми. И в законах, и в жизни, и в нас. Как иначе можно гарантировать право ребенка, предоставляемое ему 16-й статьей Конвенции, на неприкосновенность жилища, если не через отмену позорного института прописки, по которому до шестнадцати лет ребенок бесправен, потому что нигде на Земле не прописан, кроме как в паспорте родителей. А как защитить его от незаконного посягательства на его честь и репутацию, соблюсти его пра-

во на тайну переписки, если не добиться, чтобы ни у кого, в том числе и у родителей, не возникало мысли, будто ребенку будет лучше, если они проверят, что у него в карманах и что он написал той, в которую влюблен?

Исчезнут основанные на подозрительности ограничения, которые никак не вяжутся с гарантируемым статьей 13 Конвенции правом свободно получать и передавать, независимо от границ, информацию, идеи...

Появится, наконец, как это требует статья 22, статус беженца для ребенка. А пока в наших законах нет даже такого понятия «беженец», и, значит, нет у государства перед невинно пострадавшими никаких обязательств.

Конвенция должна помочь изменить наш взгляд на больных в умственном и физическом отношении детей. Можем ли мы похвастаться тем, что обделенный здоровьем ребенок ведет, как записано в 23-й статье Конвенции, «полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества»? О каком достоинстве можно пока говорить, если халтура приучила нас экономить на детях-инвалидах, а по сути — на элементарной человечности.

Разве может не измениться отношение общества к распространенному у нас так называемому общему порядку содержания детей в камере первые трое суток после ареста, если статья 37 Конвенции обязывает, чтобы каждый лишенный свободы ребенок был сразу же отделен от взрослых. Или к печально известным спецучилищам, если та же статья Конвенции требует, чтобы ни один ребенок не подвергался бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, не был бы лишен свободы незаконным или произвольным образом? Ведь эти «спецухи» — все та же халтура тех, кому легче было держать «трудных» под замком, чем воспитывать их. Воспитывать, как настаивает Конвенция в статье 29, уважение к правам человека и основным свободам, готовя к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, равноправия...

Не думаю, что в наши дни кому-то может показаться, что детям будет многовато прав, гарантируемых Конвенцией, тем более если им вот-вот стукнет восемнадцать и им уже вполне можно доверить защиту завоеваний своей Родины. Самой пессимистичной реакцией на них может быть сомнение: будет ли так? Не схалтурим ли в который раз? Слишком от многих людей зависит, как пойдет дело.

Так будет?

Честно — не знаю. Ясно, что за страх этих прав никто защищать не будет, только — за совесть. Но я верю, что так будет, и именно потому, что на сей раз все зависит от многих, а не от одного.

Впрочем, вера достаточно хитрая штука. Теперь, когда общество устало разочаровываться, все вдруг почувствовали необходимость в вере и с жалостью смотрят на тех, кто, как и прежде, с гордостью повторяет: «Я ни во что не верю».

Сегодня почти всем хочется верить во что-то прочное, надежное, во что можно было бы смело поверить на все сто процентов. Но вот что давно уже приметили. В тех войсках, которые на все сто верят в свою победу, то есть уже и не верят даже, а не сомневаются в ней, моральный дух внезапно падает.

Педагоги утверждают, что человек наиболее активен, когда вероятность успеха равна пятидесяти процентам, когда и нужно верить, и есть во что верить. Если это действительно так, то, пожалуй, правильнее всего будет верить в будущее.

С. ВИКТОРОВ

Фото Е. СТЕЦКО

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: этих молодых парижан фотокорреспондент Михаил СЕРДЮКОВ запечатлел у Центра Жоржа Помпиду, на Бобуре. Материал об этом уголке французской столицы, проиллюстрированный фотографиями, читайте на 4—8-й страницах номера.

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№6 июнь

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

Сдано в набор 09.04.90. Подписано в печ. 07.05.90. А02305. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 3 020 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2072.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Все – на площадь!

Сергей КОЗИЦКИЙ

Когда-нибудь и наши молодые люди — как все остальные молодые люди сегодняшней Европы, — подзаработав деньжат на уборке клубники в Польше или олив под Лиссабоном, будут договариваться встретиться в Париже, на Бобуре, на площади у Центра Помпиду. Так будет, потому что Бобур — это «маст» (от английского слова «must»: «то, без чего нельзя») всей молодой Европы, а также Америки и Африки.

Прозрачный куб Центра Помпиду, опутанный разноцветными трубами — белыми для тепла, голубыми — для воздуха, и еще желтыми, зелеными, с ползущим снаружи красным эскалатором, вы узнаете сразу: как и другие достопримечательности мира, вы не раз видели его по телевизору. Из этих телевизионных пока путешествий по Парижу вы также знаете, что расположен Центр Помпиду на том самом месте, где когда-то шумел рынок, прозванный Гюго «Чревом Парижа».

Но прежде чем перешагнуть невидимую границу, отделяющую Бобур от всего остального мира, вам, как и всем, кто ощущает торжественность момента, захочется приостановиться на последнем рубеже, охраняемом человеком во фраке на голом загорелом торсе.

Этого человека зовут Хака Мар, он аргентинец, сейчас ему двадцать четыре года (надеюсь, когда вы доберетесь до Бобура, он не очень состарится), он выпускник Парижского института пластических искусств, мим-импровизатор. Хака Мар разыгрывает у входа на площадь вмиг сочиняемые короткие сценки, с помощью разных хитростей вовлекая в них зрителей и прохожих. Когда я увидел его, он пытался «слепить» из парочки немолодых азиатов с круглыми значками на груди

Фото Михаила СЕРДЮКОВА

скульптурную группу «Свобода на баррикадах», затем, оставив их, замерших в недоумении, на какие-то секунды, достаточные, впрочем, чтобы действо состоялось, двинулся в толпу хохочущих зрителей за новой жертвой. Толпа растаяла мгновенно, а потом вновь, смеясь, собралась, когда он бросился помогать господину, фотографировавшему своих спутниц. Тут, «в поисках лучшего ракурса», он развернулся вовсю, и было видно, как наслаждается он своей властью — властью предложить людям сделать мгновенный выбор между настороженностью и небоязнью казаться смешным.

И, пройдя испытание Хака Мара, не испытание даже, а — волшебство, потому что, поучаствовав в его игре, вы освободитесь от страха быть открытым

для удивления, вы наконец-то ступите на шумную площадь Бобура. Первое, что бросится вам в глаза — большие электронные часы. Они показывают время наоборот: с точностью до долей секунды они отсчитывают время, остающееся до конца второго тысячелетия. «Сотые» несутся так, что их невозможно разглядеть. Но именно это мелькание еще не потерянного времени создает настроение, когда легко думать о будущем.

Впрочем, на этой площади многое вверх тормашками. Большой плакат официально уведомляет, что здесь до определенного вечернего часа разрешена любая публичная деятельность. Не запрещена — после, а разрешена — до. И африканцы дуэтом рубят в свои барабаны, встав по разные стороны

площади, а между ними, устроившись у прозрачных стен Центра, играют свой рок китайцы. Рядом — квартет молодых виолончелистов во фраках, они переговариваются по-немецки между собой и по-испански — с присоединившимся к ним флейтистом. И тут же немолодой художник рисует портрет человека в шляпе, который громко возмущается: «Что сделали из квартала!» Бледное неприязненное лицо, проявляющееся на портрете, смотрится чужим рядом с текущей мимо шумной жизнью и со спокойным лысоватым художником. Художник работает на Бобуре почти с самого его основания. За написанный здесь уличный портрет получил на выставке в Гран Пале золотую медаль — все это можно прочесть в каталоге, который художник дарит в благодарность за заказанный у него портрет. В каталоге много портретов известных людей.

Я стоял и смотрел, как, не обращая никакого внимания на реплики прохожих по адресу человека в шляпе, художник не торопится закончить работу, хотя уже стемнело и появилась полиция, которая, наводя тишину, повела с площади араба с огромным барабаном. «Браво! — кричала вслед арабу площадь.— Ты здорово играл, Санни!» И громче всех кричал «Шарло» с тросточкой. «Артисты должны себя выражать,— возмущался он, театрально жестикулируя.— Люди, слушая их, получают удовольствие, а артисты — деньги. А ну-ка,— крикнул он, обращаясь к музыкантам, собравшимся у него за спиной,— сыграем все вместе, музыка — это право всех людей». И кто-то заиграл «О, дорогая, верь мне» («Плиз, билив ми») «Битлз», и к нему стали подстраиваться гитары, флейты, виолончели, аккордеон, голоса людей. Кипятясь, к «Шарло» подскочил офицер полиции и велел немедленно следовать за ним. «У Шарло всегда были нелады с военными»,— громко начал свой монолог, не спеша складывая в баул трость, узенький пиджачок и пузырящиеся штаны и переодеваясь в нормальные джинсы, «Шарло». Офицер, в конце концов, рассмеялся и, махнув рукой, исчез. Музыканты замолчали, отвоевав право по собственной воле соблюсти положенную в это время тишину.

«Говорит, что поэт»,— сказал мне художник, распрощавшись с человеком в шляпе, и мы пошли сначала на уголок выпить кофе, а потом шляться под мелким дождем по соседним переулкам. И парижский художник Коля Любушкин рассказывал, что после того, как его «уехали» из Ленинграда, он несколько лет не мог работать. Потом появился Бобур, но и тогда ощущения, что он видит людей, еще не было. Он путешествовал, рисовал на Монмартре, но там художники между собой не уживаются. «Когда снова вернулся на Бобур — встречали как родного: «А, Николя вернулся!» Я Бобур люблю, здесь мы все друг другу приятели».

Бобур предполагает, что те, кто пришел сюда, должны быть приятелями. Пока я сидел, расстелив газетку, на площади, со мной беседовал лицеист-итальянец, который заявил, что я должен познакомиться с его знакомым шведом, а тот привел с собой испанца, который мог сказать по-французски только одну фразу: «Я счастлив», и никому не удавалось вытянуть из него ничего путного, пока не подошел говорящий по-испански американец Марк, студент-кинематографист. Марк явился со складным матрасом, потому что он ночует в сквере у «Опера». Потолковав с испанцем, Марк сказал, что это никакой не испанец, а просто сумасшедший. Потом я познакомился с говорящим на всех языках восемнадцатилетним меланхоличным панком из ФРГ Флорианом, с которым мы тут же устроили опрос всех, кто проходил мимо: что для них Бобур? Почти все ответы легко вмещались в рамки исторических лозунгов мечтавших о таком Бобуре хиппи: «Здесь всем просторно», «Бобур лечит от комплексов» и т. д. И только швед признался: «Мне отец велел тут побывать», видимо, не разделяя хипповое прошлое предков.

Этой же ночью Флориан уезжал на попутной машине приятелей, с которыми познакомился на Бобуре, домой. Прощаясь, он сказал: «У людей столько свободы, но что они делают с этой свободой! Я тебе напишу статью о свободе»,— пообещал он.

Когда на Бобуре начинается дождь, площадь перемещается за стеклянные

стены Центра Помпиду и разбредается по этажам, сливаясь с теми, для кого Бобур — это только музей современного искусства, только крупнейшая в Париже библиотека с мгновенными электронными каталогами или только концерты авангардной музыки. Но большинство тут же осаждает игровые компьютеры у входа. «Когда убит Марат?» — спрашивает компьютер, и, только правильно ответив, входишь в игру, суть которой, вмешиваясь в историю, предупреждать события, историю меняя. Кого не привлекают игры с прошлым, могут тут же, на первом этаже, почитать любые журналы и газеты Европы, послушать свободно стоящие на полках последние лазерные диски, посмотреть по своему выбору видеофильм или телепрограммы Франции, ФРГ, Англии, Италии, Люксембурга и США. Все — бесплатно. «Бобур — это элементарно,— говорил мне на площади алжирец в зеленом берете.— В коллеже я писал диплом о Бобуре и в нем доказывал, что это все показной гуманизм парижской мэрии, которая решила построить в городе такое место, где бродяги могли бы пересидеть дождь». (Алжирец в зеленом берете долго не соглашался, в отличие от других бобуровцев, говорить со мной. Чуть ли не документы требовал.)

А вокруг Бобура — десятки маленьких открытых кафе: для тех, кому этот квартал все-таки кажется симпатичным, но что-то мешает им с головой нырнуть в его водоворот. Невозможно сказать, что именно, у каждого свое. В одном таком кафе, отправившись вместе с двадцативосьмилетним лидером российских социал-демократов на Бобур и совсем немного не дойдя до него, мы в который раз говорили о противоречиях между идеями «европейского дома» и реальностью нашей, домашней жизни. О том, что Европа — это сложившиеся культурные, психологические и прочие традиции гуманизма, индивидуальной свободы. О том, что у нас — примат труда, как дела чести, порождающий дисциплинарный психоз с его потребностью в железной руке. О том, как трудно создается гражданское общество, которое способно вернуть нас в Европу. Мы говорили — и наблюдали за неторопливо листающими вечерние газеты, неслышно переговаривающимися, просто молча смотрящими на Бобур разными людьми.

Панк Флориан все-таки написал свою статью. На листке в клеточку. Она оказалась очень короткой. Вот она: «Мы все европейцы, хотя, конечно, мы все друг от друга отличаемся, но нам нужно жить европейцами».

Париж — Москва

Седьмого декабря 1941 года, после нападения японской авиации на Перл-Харбор, США вступили во вторую мировую войну. В этом году граждане США вместе со всем человечеством празднуют сорокапятилетие нашей общей Великой Победы. Готовясь к этому празднику, журнал «Лайф» обратился к своим читателям с просьбой присылать дневники, воспоминания о войне, грустные и смешные истории. Первым на этот призыв откликнулся бывший лейтенант ВМС США Джордж Герберт Уокер Буш. Ныне — президент Соединенных Штатов Джордж Буш.

7 декабря 1941 года. Когда я услышал эту весть (о нападении на Перл-Харбор.— Ред.), я как раз шел через кампус Эндовера. Мне было 17 лет. Это было как удар: потрясение, пробуждение. До этого я не очень-то разбирался в том, что происходило в мире. Футбольный сезон кончился, начинался баскетбольный и бейсбольный — таковы были мои интересы. Со времени рождественских каникул прошло только две недели, я оканчиваю школу, собираюсь в колледж... Все переменилось сразу. Я понял, что хочу попасть в армию.

8 декабря 1941 года. Наш директор, отличный историк и человек строгих правил, вызвал нас в зал Джорджа Вашингтона, место собраний. Мы, как обычно, дурачились, толкались, вели себя развязно. Др. Клод М. Фьюисс призвал 800 учащихся к порядку, сказав такие слова: «Наша страна воюет. Только что прозвучал «Звездно-полосатый флаг». Отныне, как только вы услышите эту музыку, вы будете держать руки по швам, проявляя уважение к гимну». С тех пор ни разу в жизни я не изменил этому правилу.

ПАРЕНЬ ИДЕТ НА ВОЙНУ

Джордж БУШ,
президент США

С п р а в а в в е р х у: 1944 год. Лейтенант Джордж Буш (в центре) со своими боевыми друзьями.

С л е в а в н и з у: 20 января 1989 года. Президент США Джордж Буш принимает присягу.

12 июня 1942 года. Начался учебный год. Перед нами выступил министр обороны Генри Стимсон, выпускник Эндовера. Он посоветовал нам, учащимся выпускного класса, перед тем как идти на военную службу, получить образование. Но я твердо решил не идти в колледж, а стать морским летчиком. Стимсон, конечно, был выдающейся фигурой, но этот его призыв остался для меня непонятным.

В тот день, когда мне исполнилось 18 лет, я был приведен к присяге как матрос второго класса — первая ступень на пути к тому, чтобы стать летчиком. Я был стеснительным и нервным молодым человеком. Порядки во флоте к тому времени изменились: для того чтобы стать летчиком, больше не требовалось двух лет колледжа — летчики были очень нужны. Лейтенант ВМС Уолтер Леверинг принял у меня присягу в Бостоне. И с 6 августа 1942 года я начал действительную службу как курсант.

6 августа 1942 года. На Пенн-стейшн я сел на поезд южного направления. Отец мой был крепким, сильным мужчиной. Он положил мне руку на плечо и сказал: «До свиданья». До тех пор я никогда не видел его плачущим. Мы прибыли в Чапел-Хилл, штат Северная Каролина, и я встретился с «Великолепным дробильщиком» Тедом Уильямсом из бостонской команды «Red Socks», он стал моим другом. Все мы благоговели перед учившимся вместе с нами знаменитым игроком.

Июнь 1943 года. В Чапел-Хилле я прошел предварительную подготовку, затем, в Миннеаполисе, совершал первые учебные полеты, в городке Корпус-Кристи мои занятия были завершены, и вот 9 июня я получил «крылышки» и звание лейтенанта. Мне пока еще только восемнадцать. Я хотел участвовать в воздушных боях. И все мои товарищи хотели того же. Я сразу же влюбился в медленные и неповоротливые бомбардировщики-торпедоносцы. «Грамман Эвенджер» брал на борт 2000 фунтов бомб, это был крупнейший одномоторный самолет во флоте. Экипаж его состоял из трех че-

ловек. Я отправился в Форт-Лодердейл, чтобы научиться летать на нем. Полеты вдоль Восточного побережья, торпедометание у мыса Код, учебные бомбы и торпеды, сброшенные в озеро Окичоби, штат Флорида; в залив Чинкотега, штат Виргиния; возле Чарлстауна, штат Род-Айленд; у берегов Майами... Во всем этом я участвовал. Я носил нашивки лейтенанта, но самоуверенность у меня была адмиральская. Я был морским летчиком.

Весна—лето 1944 года. Я был приписан к авиагруппе 51, ей предназначалось первой прибыть на борт нового быстроходного авианосца «Сан-Хасинто», № CVL30. Мы совершили пробное плавание на Тринидад, окончательно вступили в строй в Филадельфии, прошли через Панамский канал, попрощались с Америкой в Сан-Диего и пошли на запад.

Многие из наших летчиков и моряков были в море в первый раз. У одного из моих товарищей, Тома Уотерса — его потом убили,— было румяное от природы лицо, но он буквально позеленел — таким неспокойным был океан. 23 мая 1944 года мы бросили якорь у острова Уэйк. Мой близкий друг Джим Уайкс пошел в разведку и не вернулся. Я лежал на своей верхней койке и плакал. Никто, конечно, этого не видел.

2 сентября 1944 года. В тот день, в 7.15 утра, подразделение VT-51 (командир — Дон Мелвин, пилоты Дуг Уэст, Милт Мур и я) поднялось с палубы «Сан-Хасинто» (это был мой 50-й боевой вылет), чтобы разбомбить две радиостанции в Чичи-Джима на островах Бонин, в 70 милях от нас. В районе бомбометания все небо было покрыто черными разрывами зенитного огня. Атаку начал Дон Мелвин, за ним шел Дуг Уэст, потом я.

Где-то в 8.30, когда я спикировал до высоты 8000 футов, я почувствовал сильный толчок, словно какой-то огромный кулак ударил по брюху самолета. Мы получили попадание в двигатель. Дым пробивался в кабину, огонь подбирался к бакам с горючим, расположенным в крыльях. Мы были приучены выполнять задание до конца. Я инстинктивно продолжал пикировать, вышел на цель, освободился от четырех пятисотфунтовых бомб и повернул на восток, в открытый океан. В нескольких милях от берега я велел членам моего экипажа, Теду Уайту и Джону Дилэни, прыгать. Когда я выпрыгивал, я ударился головой о хвост самолета и мгновенно потерял сознание. Я приземлился в воду, и японцы выслали за мной два катера. Мелвин, Уэст и Мур вместе с истребителями сопровождения отогнали их.

Два часа я находился на спасательном плотике, не уверенный в исходе. Я молился; иногда меня ужасно тошнило, я плакал. Мне было только 20 лет, я был напуган, мать и отец — так далеко... А я выгребаю против ветра, стараясь убраться подальше от занятого японцами острова. Позже я узнал, что из нашего экипажа в живых остался я один: раскрылся только мой парашют. Бог для чего-то спас меня. Истребители летали надо мной до тех пор, пока, уже к полудню, меня не подобрала подводная лодка «Финбэк».

Сентябрь 1944 года. «Финбэк» продолжала патрулировать в японских водах, и я вместе с двумя другими спасенными пилотами и двумя членами экипажей провел следующие 30 дней, стоя на вахте. Я благодарил Бога за свое спасение. Нас постоянно атаковали японские корабли. Подводники с «Финбэка» не очень тревожились по этому поводу, но Джиму Бэкмену, Тому Кину и мне, спасенным пилотам, все это нравилось мало. Командир «Финбэка» получил Серебряную звезду за потопленные японские корабли.

Октябрь 1944 года. Отдохнув неделю в Перл-Харборе, я после пробных полетов вернулся на флот — в оперативную группу № 38 под командованием адмирала Уильяма Хэлси по прозвищу «Бык». Меня поразило скопление кораблей у Перл-Харбора и атолла Улити. Чувствовалось, что дела складываются в нашу пользу. Нам показывали фотографии японских зверств. Виновником этого был Хирохито. Гитлера уже вовсю били в Европе, а для нас все зло воплощалось в Хирохито. Я страшно хотел вернуться в эскадрилью — летать, выполнять свой долг.

Ноябрь 1944 года. 29 ноября был мой последний, пятьдесят восьмой вылет — в районе пролива Лусон. Разрывы зениток, черные и грозные, казались сущим пустяком по сравнению с тем, что я испытал у Чичи-Джима. До сих пор меня удивляет то наше состояние: мы чувствовали ликование. Мы были на пути к дому. Может быть, мы будем дома уже к Рождеству! Некоторые из моих друзей по эскадрилье VT-51 погибли, но суровость войны помогала исцелять раны. Мы выполнили свой долг, и выполнили его с честью. Мы сражались за Америку против тирании. Вся страна была как один человек. Мы, на авианосце, были частью чего-то огромного и прекрасного. Иногда бывало страшно, но сомнений не было никогда.

Канун Рождества 1944 года. Я еду домой. На станции Рай (штат Нью-Йорк) на поезд садится моя невеста, Барбара. Еще 10 минут езды до Гринвича, и нас встречают мои родители. Я был рад, что попал домой к Рождеству; я благодарил Бога. Я был окружен любовью. На следующий день, в церкви, я благодарил Бога за свое возвращение — и в ее тишине я думал о Джиме Уайксе, Дике Хауле, Томе Уотерсе, Теде Уайте, Джоне Дилэни и других, кто никогда не вернется домой к Рождеству.

Я спрашивал «почему?», но в этом вопросе не было возмущения. И не было сомнений в том, ради чего я участвовал в войне. Мы были правы. Бог был на нашей стороне. На нас предательски напали, и вот, через три года, мы победили; и я, 20-летний лейтенант, был составной частью величайших вооруженных сил мира. Я стал взрослым. Я служил на огромном авианосце, который шел в битву под техасским флагом. Я был частью этой команды. Мы заботились друг о друге в нашей эскадрилье. Мы понимали страхи и привязанности друг друга. Мы играли вместе, пели вместе, летали вместе. Порой мы жаловались на нашего командира — слишком жесткий, слишком требовательный, слишком серьезный. Но мы любили летать с ним — мы уважали Дона Мелвина.

Если мы лихачили или каким-нибудь неосторожным маневром подвергали опасности экипаж корабля, капитан Гарольд М. Мартин по прозвищу «Красавчик» мог строго взыскать с нас, но мы бравировали этим. Мне тоже доставалось, но он имел на это полное право. У меня была одна нашивка, к концу войны — одна с половиной, у него — четыре. Мы очень уважали его.

Мы считали себя лучшими из лучших. Когда нас заносило при выруливании, виноват был либо «этот чертов ветер», либо низкое давление в левом тормозе. Когда мы садились не на ту дорожку авианосца, всегда был виноват «этот ненормальный», сигнальный офицер... «Черт бы его взял, он держал меня слишком высоко», или «слишком быстро», или «слишком медленно»; но мы никогда не жаловались. В руках сигнального офицера была наша жизнь. Кроме того, капитан всегда считал, что он прав. Мы были лучшими... отчаянные черти, уверенные в своей ловкости, в своем призвании. Мы точно знали, что делать. Мы знали, что победим.

Зима—весна 1945 года. Мы обручились осенью 1943 года, когда я проходил подготовку на Восточном побережье. А 6 января 1945 года Барбара Пирс и я обменялись брачными обетами в Рае, штат Нью-Йорк. На мне был мой флотский мундир, и я гордился им. Я пригласил на свадьбу товарищей по эскадрилье Ричарда Б. Плэйстеда и Милтона Мура. У нас с Барбарой было время для медового месяца на Си-Айленде.

Затем мне предстояло пройти переподготовку на Великих озерах. Мы с Барбарой купили свой первый автомобиль — «плимут» выпуска 1941 года, за 350 долларов — и поехали через Канаду в Льюистон, штат Мэн, на соединение с эскадрильей. Я снова летал вдоль Восточного побережья в составе VT-153, новой торпедной эскадрильи, в которой служили и некоторые мои товарищи по VT-51. Я прошел подготовку к полетам на F4U, истребителе «Корсар»... И на миг усомнился: а так ли уж хорош был мой тяжелый и неповоротливый торпедоносец? Мысль мелькнула и исчезла — ведь бомбардировщик-торпедоносец TBF стал частью моей жизни. TBF был самолетом с добрым характером — а я хоть и был довольно неплохим пилотом, все же нуждался порой в снисхождении.

14 августа 1945 года. Мне 21 год.

Мы обосновались на базе в Виргинии. Теперь Барбара и я можем проводить вместе больше времени. Как раз перед отправкой нашей эскадрильи на Тихий океан кончается война. Я никогда не забуду крики ликования, танцы на улицах и молитвы. Мы с Бар пошли в церковь и поблагодарили Господа. Больше нам не грозит разлука, и мне больше не надо прикрывать высадку морской пехоты, видеть, как убивают наших пехотинцев окопавшиеся японцы — ведь они тоже защищают свою страну.

18 сентября 1945 года. Моя служба на флоте окончена, и я возвращаюсь в колледж. Чувство единения, царившее во время войны, уходит. Возникают новые интересы, индивидуальные цели. Футбол, бейсбол, наш первый ребенок, занятия экономикой. Мы с Барбарой познаем семейные радости, счастье учебы, ожидания новой жизни в нашем Западном полушарии. У нас появляется множество новых друзей. Письма от военных товарищей становятся реже. Они тоже ищут свои новые дороги.

Июнь 1948 года. Свежий выпускник колледжа, впереди моя первая работа, я направляюсь в Одессу, штат Техас. Кажется, что война осталась далеко позади — а впереди новая жизнь, полная волнений и радости.

20 января 1989 года. Я принес присягу как президент Соединенных Штатов. В морском параде участвуют TBF. И среди участников парада — несколько моих товарищей по эскадрилье VT-51. Они улыбаются и машут мне руками. Никто не знает, кто они. Но я знаю.

Февраль 1989 года. Я в Японии, на похоронах императора Хирохито. День выдался очень холодный, и церемония была долгой, но прекрасной. Сидя на холоде, у меня было время подумать. Да, я думал о тех разрывах огня над Чичи-Джимой, что унесли жизни моих товарищей, но не эта мысль была главной. Я думал о том, что Хирохито собирался встретиться с Макартуром [1], о чудесном возрождении Японии и о ее демократии. Я думал о скромном маленьком человеке, и о его любви к природе, и о том, как это контрастировало с теми ужасными фотографиями, что мы видели 45 лет назад... Я думал о Японии. И я думал о прощении. Наш союз крепок, и дружба наша истинна. Теперь они живут в демократическом обществе. Как же это замечательно! Наверное, Тед Уайт, Джон Дилэни, Джим Уайкс, Дик Хаул и Том Уотерс погибли не зря. И это правильно — то, что я приехал в Японию на похороны императора.

Перевел с английского А. АНТИПЕНКО

[1] *Генерал Дуглас Макартур (1880—1964) с 1942 года был верховным командующим союзными войсками в юго-западной части Тихого океана, в 1945—1951 годах — командующим оккупационными войсками в Японии.— Прим. ред.*

Лиза ТРУНК,
западногерманская журналистка

«Это здорово — ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СИЛЬНОЙ!»

Сильке собрала свои длинные светлые волосы в «хвост» и с независимым видом прислонилась к стене. Рядом с ней — четыре ее одноклассницы. Они смеются и болтают. Но вот к ним приближаются четыре мрачных типа. Один из них хватает Сильке за плечо. «А ну убери руку!» — в то же мгновенье кричит Сильке. Вопль ее столь громок и решителен, что парень испуганно отдергивает руку. Он не ожидал такой реакции. Сильке и ее подруги смеются.

Все это — ролевая игра, в которой участвуют шестнадцать учениц школы города Хюрт, что близ Кёльна. В их школе введен новый предмет, который называется «Самозащита и самоутверждение для девочек». Уроки по «Самозащите и самоутверждению» проходят раз в неделю. В физкультурном зале школы девочки разыгрывают ситуации, которые могут возникнуть в вечерние часы на улицах, в общественном транспорте, на дискотеках.

«Однажды вечером на станции метро меня схватил мужчина,— рассказывает Ирис.— Я ужасно перепугалась. Но больше всего меня потрясло поведение людей вокруг. Они вели себя как трусы. Все делали вид, что ничего не видят. Никто не пришел мне на помощь».

В будущем Ирис нечего бояться. Пройдя курс нового предмета, она овладеет способами психической и физической самозащиты. Главное здесь — обрести уверенность в себе. Уже сейчас стройная, симпатичная девочка делает большие успехи. «Если что-нибудь подобное случится снова, если кто-то опять пристанет ко мне, то я ему заранее сочувствую». Что именно она предпримет? Сначала она попытается ошарашить его громким

на стр. 15 ▶

Сейчас, когда на футбольные поля Италии выходят лучшие команды мира, когда по вечерам мы спешим домой, чтобы устроиться у экранов телевизоров и в волнении следить за противоборством аргентинцев, итальянцев, немцев, англичан,— футбол становится главной темой разговоров, заполняет собой наши мысли и наши чувства. Так всегда бывает раз в четыре года, в месяцы чемпионатов мира. Политика, экономика, философия, литература, видеофильмы — все отступает на второй план, все представляется вдруг не столь уж и важным по сравнению с тем, победят ли сегодня аргентинцы румын или румыны аргентинцев. Рев трибун и крики комментаторов (в этих криках ужас и восторг) настолько мощны, что, кажется, доносятся из Италии до наших квартир без помощи технических средств. Мы встречаемся по утрам и обмениваемся многозначительными, вескими вопросами. «Видел вчера?» — «Видел, а как же!» И не надо объяснять друг другу, о чем идет речь, не надо тратить лишних слов — мы прекрасно понимаем, что сейчас, в июне и июле 1990 года, есть только одно зрелище, достойное нашего восхищения. И если уже суждено нам этим летом увидеть нечто прекрасное, то это — удар ван Бастена, финт Марадоны, стремительная атака легкого бразильского нападения.

Мы говорим друг с другом о голах, очках, о месте в таблице. Это — то, в чем выражается успех в футболе. Но футбол не исчерпывается цифрами, и самый подробный спортивный справочник несравнимо скучнее самого незамысловатого состязания. В футболе есть что-то, кроме цифр счета, кроме мест в таблице — что-то неуловимое, волнующее, волшебное, тайными нитями связанное с самими основами человеческого бытия.

Футбол на первый взгляд представляется игрой, замкнутой в границах поля — локальное, ограниченное в пространстве и времени развлечение, разносимое по миру с помощью ТВ. Все очень просто. Зеленый газон, круглый мяч, двадцать два игрока в разноцветных формах, с номерами на спинах. Но ограниченность и простота — кажущиеся. Футбол аккумулирует в себе энергию жизни и ее проблемы, он весь пронизан токами человеческих эмоций и настроений. Эти тайные течения и скрытые пружины игры надо уметь почувствовать, понять, разгадать. Вы думаете, футболисты выходят на поле соревноваться в умении бить и бежать (и они сами так думают) — но на самом деле их соревнование есть часть какой-то большей, впечатляющей картины, элемент мозаики, имя которой — человеческий мир. За каждой из команд стоит страна с ее традициями, прошлым и настоящим, за каждым из игроков — его семья, друзья, болельщики... вся его жизнь. Включая политику.

Футболист, даже если он проводит две трети жизни в тренировочном лагере (а оставшуюся треть — на поле), даже если он не читает книг и газет — все-таки не способен обрезать все связи с миром. Он дышит воздухом, которым дышат его соотечественники, он испытывает давление тренера и социальной среды. Политические ветры проникают в уединенные, отгороженные заборами, охраняемые как военные объекты тренировочные лагеря сборных; политические токи гудят и искрят в душах левых и правых полузащитников. Примеров тому — масса. Чемпионат мира 1954 года выиграла сборная ФРГ — в мощи ее игры была мощь возрождавшейся Германии, в ходах ее нападения, где заправляли Вальтер и Морлок, была эффективность послевоенного «немецкого чуда». Они выиграли, потому что встававшая из развалин, отягощенная прошлым, неуверенная в себе страна ждала их победы, как знака ободрения и надежды. Но тем же летом 1954 года они приехали в Москву, чтобы на «Динамо» сыграть со сборной СССР,— и были обречены проиграть в той свирепой, в безумном темпе

О, ИГРА!

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

проходившей игре, за которой с трибун следили тысячи бывших солдат. Война кончилась всего девять лет назад. Одноногие ветераны выбирались из своих халуп с мокрыми стенами и, перебрасывая тело меж костылей, тащились на стадион, чтобы посмотреть, как «наши» сразятся с «фрицами». Проиграть немцам на их глазах был бы стыд и позор. Наши проигрывали 1 : 2, сравняли счет, двадцать минут подряд штурмовали ворота сборной ФРГ с упорством и яростью, которые возможны в действиях людей, бьющихся за что-то большее, чем победа в простом товарищеском матче,— и за две минуты до конца все-таки забили победный гол.

Да, политика может питать и подпитывать футбол, как подземные ключи питают реку и делают ее полноводной. Но та же политика может убивать футбол, если перестает быть тайным источником чувств — и грубо вламывается в самую сердцевину состязания. Так было в 1968 году, когда руководство страны не пожелало отменить футбольный матч СССР — ЧССР — боялись, как бы на Западе не подумали, что ввод войск в Чехословакию омрачил дружбу между двумя народами. Оккупация оккупацией, но мяч-то гонять чехам никто не мешает! Девяносто минут подряд чехи, не обращая особенного внимания на мяч, жестоко били и калечили наших игроков. Нечто похожее (но без членовредительства) случилось на чемпионате мира в Испании в 1982 году, когда нашим пришлось играть против поляков. За воротами Дасаева висел плакат «Солидарность» живет и побеждает!». Самим футболистам эта ситуация, кажется, не доставляла никакого удовольствия и не разжигала, а подавляла их дух — обвешенные невидимыми политическими гирями и веригами, они двигались тяжело, играли без выдумки, мучились и потели. Утомительный матч. Унылое зрелище.

Футбол есть часть жизни — и потому в нем есть все то, чем красна и чем отвратительна жизнь. Он не может быть иным, как бы мы этого ни хотели. В нем смешаны благородство и жестокость, в нем — так же как в любой другой сфере человеческой деятельности — вступают в непримиримый конфликт разные подходы к делу. Побеждать честно или побеждать во что бы то ни стало? Опираться на план и дисциплину или на порыв и импровизацию? Попытаться обыграть соперника или запугать его? Эти вопросы — вовсе не чисто футбольные вопросы. Интерес, который вызывает в нас игра, во многом основан на том, что мы — осознанно или подсознательно — ищем ответы, которые подходили бы нам в жизни.

В том суровом, на грани сил противоборстве, что представляет из себя современный матч, футболист раскрывается как странное, сложное, переменчивое существо, в котором, как в котле, одновременно бурлят злые и добрые чувства. Один и тот же игрок — вратарь сборной ФРГ Шумахер — на глазах у миллионов людей представал как человек, который не укладывается в черно-белую схему. Он жестоко сбивал с ног француза Баттистона, в прыжке нанося ему удар в голову (француза на носилках уносили с поля — сотрясение мозга) — и он же бежал на помощь мексиканцу Санчесу, катавшемуся по траве от боли, когда судорога свела ему ногу. Рекламный трюк, попытка стереть впечатление о себе как об игроке-звере? Нет, каждый, кто видел Шумахера в игре, не может сомневаться в его искренности. Тут, в этих футбольных эпизодах, брезжит нам какое-то непростое, вовсе не школьное понятие о добре и зле, об их нераздельности в душе человека, который, задумав убийство, по дороге может спасти ребенка из огня. «Это не было шоу. Я просто подумал, а что было бы, если б я так лежал»,— просто и непритязательно объяснил свой поступок Шумахер. В этих нескольких словах он сказал очень важную вещь — о том, что человеку присуща способность и в разгар борьбы почувствовать себя на месте травмированного соперника, проявить немножко воображения и представить, «а что было бы, если б я так лежал». Жестокость и сострадание идут в футболе рука об руку — как в жизни.

Человеческая жизнь есть цепь столкновений и противоборств — футбольная игра тоже. Эти противоборства, может быть, не так откровенны, как в боксе, но зато и не столь условны, как, например, в пятиборье, где успех спортсмена определяется сложным подсчетом очков. Тут, на поле, все ясно. Нас одиннадцать, и вас одиннадцать. Мы хотим выиграть, и вы хотите выиграть. Конечно, мы будем играть как можно лучше, мы покажем все, что умеем,— но это только одна часть проблемы. Вторая ее часть состоит в том, чтобы не дать вам показать, что вы умеете. Как? Способов множество. Самые мягкие из них — психологический террор, имеющий целью подавить волю соперника к сопротивлению. Огромный, здоровенный центрфорвард сборной Дании Элкъяер свирепо орал и ругался грубыми словами на опекавших его защитников. Вопросик: «Это правда, что твоя жена изменяет тебе с..?», подкинутый мимоходом перед матчем или даже в момент противоборства в центральном круге,— нечто вроде психологического удара ниже пояса. Но все это покажется милыми детскими шалостями перед теми способами физического террора, которым владеют защитники и полузащитники всех сборных команд.

В современном футболе появились черты каратэ — защитники научились выпрыгивать высоко вверх и выбрасывать ноги вперед, в сторону мяча, который соперник в этот момент принимает на грудь или на голову. Лишь тот, кто играл сам, знает, что такое подкат в современной трактовке. Защитник падает на полном ходу и, подобно торпеде, на собственном заду скользит ногами вперед. Он целит не столько в мяч, сколько в нападающего. Бутсы защитника, как два железных стержня, пробивают жалкий дриблинг нападающего и обдирают мясо с его ног. Возмутительно? Ужасно? Да, в этой тайной упорной борьбе на уничтожение, которая идет каждую минуту на каждом метре поля, приятного мало — но сами футболисты знают, что без такой борьбы футбола нет. Просто об этом не принято говорить. Голландец Куман открыл секрет Полишинеля, сказав после матча с «Бордо», что игроки его команды совершенно осознанно били Тигану, желая травмировать его и вывести из игры. Разразился скандал. Как многие вещи в нашем мире, футбол желает выглядеть лучше, чем он есть. Функционеры в чистеньких пиджаках особенно пекутся об этом — но не игроки в пропитанной потом форме, месящие глину осенних футбольных полей. «Это же нормально,— спокойно ска-

зал Мишель Платини, когда ему рассказали о кошмарных, циничных, позорящих футбол словах Кумана.— Так оно всегда и было. Так поступают уже лет сто, но только не принято говорить об этом...» В словах Платини звучало философское спокойствие человека, знающего цену игре и некоторым особенностям человеческой натуры. Платини не судил, не бичевал, не обвинял, хотя он-то имел на это право. Ему, интеллигентному и мягкому игроку, создателю комбинаций и творцу футбольных фантазий, пять раз ломали ногу, дважды руку, однажды повредили спинной позвонок — и еще два раза уносили с поля с сотрясением мозга.

Футбол, как ни странно, вводит нас в круг нравственных понятий. Кажется, может ли так быть? Кажется, какое отношение имеет борьба двадцати двух здоровых, оптимистичных, натренированных, напичканных витаминами парней к тому, что проповедуют священники с амвонов и о чем пишут писатели? Но это именно так. Зрителю, не лишенному дара размышления, чемпионат мира может дать не меньшую пищу для ума и души, чем хороший роман. Снобы, презирающие спорт, видящие в нем лишь грубую забаву плебса,— не правы. Они делают хорошую мину при плохой игре, ставя себе в заслугу собственную неспособность видеть.

Навязшие на зубах, пресные истины-клише, которыми нас пичкают с детства, в футболе проходят суровую проверку — и редко выдерживает ее. В играх высшего уровня есть подлинность жизни, имеющей горький вкус. Это только в милых и назидательных сказках, которые рассказывают нам бабушки и учителя, добро всегда побеждает зло, а истина всегда торжествует. Когда Марадона на глазах у миллионов людей рукой забил гол в ворота англичанина Шилтона — Шилтону и англичанам не помогло то, что они были правы. Их правоту доказывала видеозапись, фотографии. Но в футболе, как в жизни, ситуации не имеют обратного хода, их нельзя повторить, нельзя вернуться во времени и начать все сначала. Обманщик Марадона вместе со своей командой стал чемпионом мира, заработал славу и деньги и навсегда вошел в историю — честные англичане (которые, кстати, не применяли против Марадоны грязных и грубых приемов, как это делали другие команды) бесславно отправились домой. Честность сама по себе не приносит победы — она приносит только сознание того, что ты честный человек. Но много ли найдется спортсменов, которые сумеют без обиды и досады смотреть на то, как ликующее человечество чествует и вознаграждает того, кто победил их, нарушив правила чести? «Мы бойцы, и я горжусь этим,— в одном из своих интервью сказал все тот же Шумахер.— Я воспитан в борьбе. Ведь в нашем обществе преуспевания в счет идет только успех». Просто и ясно.

Речь тут не идет о случайностях игры. Голы-нелепицы, голы-дурики были и будут. Это шутит судьба. Но гол, забитый Марадоной рукой, не был ни случайностью, ни «рукой Бога» (как объяснил на послематчевой пресс-конференции этот шутник). Когда миллионы аргентинцев плакали от счастья, а миллионы англичан от горя — только один человек во всем мире искренне и весело смеялся над происшедшим. Это был полузащитник Бернд Шустер, западногерманский футболист из испанской «Барселоны», отказавшийся играть за сборную своей страны и смотревший футбол по телевизору у себя дома. Он-то прекрасно знал, что Марадона напрасно делает наивные глаза и изображает удивление: как, мол, это вышло, сам не знаю... Лучший игрок современности, феноменальный дриблер, человек, наделенный потрясающим чувством мяча и ощущением игры,— подобно заштатному шулеру отрабатывал свой нечестный прием на тренировках и в матчах не столь высокого уровня, предвидя тот момент, когда для победы не хватит всех его способностей. «Это его старый трюк,— сообщил Шустер.— Когда мы еще играли вместе за «Барселону», он забивал голы руками».

Современный футбол: жестокость, политические страсти, безумства болельщиков, очки, голы и места, оплачиваемые сотнями тысяч долларов. Но не только это. В футболе, кроме очков и занятых мест, кроме жестокости и обмана, есть еще и то главное, что чарует душу и радует сердце. Это главное — сама игра, которая, как трава, пробивается через асфальт политики, меж глыбами корысти и тщеславия. На чемпионат мира приезжают разные игроки. В том числе — мускулистые мастодонты с мозгами величиной с горошину, готовые пихаться, толкаться, кусаться, драться и отодвигать других локтями, когда речь идет о медалях и гонорарах. Они, вполне возможно, возьмут свое. Но не им будет принадлежать наше восхищение.

со стр. 11 ▼

Попробуем увидеть, попробуем почувствовать игру — ту игру, в которой человек выражает свои творческие способности, свой дар импровизации, который отличает его от машины. Те футболисты, те команды, которые **играют** на поле, отнюдь не всегда добираются до престижных мест, уступая более сильным, терпеливым и прижимистым. В жизни и в футболе успех и талант не всегда идут рука об руку. Но футбол, в котором остались бы очки, голы и места, но из которого ушла бы игра, был бы убогим зрелищем — работой за деньги, невеселым добыванием хлеба насущного. Всего этого и без того хватает в жизни. Хватает в футболе и команд, умеющих строить крепости, разрушать, мешать, защищаться и надеяться на ошибку соперника — или послематчевые пенальти («Я в воротах и десять центральных защитников передо мной»,— так определил подобный стиль игры Шумахер). Это будни футбола. Его праздник — импровизация, полет, азарт, финт, атака, игра.

Кто является лучшим воплощением этой игры? Неунывающий Гуллит, с его черными косичками и размашистым шагом, с его быстрым мудрым пасом и кругозором, позволяющим ему видеть на сто метров и на минуту вперед? Или веселый плут Марадона, человек с выпуклой грудью, бочонок на пружинистых ногах — Марадона, летающий по полю от штрафной до штрафной, начинающий атаку первым пасом, подхватывающий мяч в центре, наносящий хитрый и точный удар за мгновенье до того, как защитник собьет его с ног — Марадона, вездесущий, как Фигаро?!

воплем: «Отваливай!» или «Руки прочь!», а если он не послушается, то тогда в запасе у нее есть и кое-что иное. «Я знаю, куда надо бить, чтобы сделать очень больно такому типу».

Система защиты, которую изучают девочки, изобретена в Канаде и называется вендо. Это — комплекс, состоящий из словесных приемов и приемов рукопашного боя. На начальной стадии занятий вырабатывается определенная степень агрессивности — без этого невозможно защитить себя. «Такие традиционные виды единоборства, как дзюдо или каратэ, базируются на физической подготовке, терпении, ловкости и благородстве,— говорит тренер по вендо Дэнни Петрат, ведущая занятия в школе.— Благородство в спорте и в жизни — вещь необходимая. Но девочки в переходном возрасте часто чересчур закомплексованы. Их положительные качества — благородство, интеллигентность, вежливость — блокируют способности к контрагрессии и самозащите».

«Конечно, непросто изо всех сил заехать кому-нибудь под коленку,— говорит Натали,— мы же девочки, нас не воспитывали для таких штук. От нас требовали, чтобы мы всегда были милыми, дружелюбными существами».

Насколько успешно милые и дружелюбные существа приобретают новые для себя качества в рамках вендо? Судя по всему, успех велик. Прежняя застенчивость, прежний страх перед мужчиной на темной улице бесследно проходят. «Если кто-нибудь пристанет ко мне с какой-нибудь чушью, то тут же схлопочет в ответ»,— говорит Клаудия. То самое, что «схлопочет» будущий хулиган, девочки отрабатывают в физкультурном зале, парами, на матах. Ирис изображает агрессора. Она подходит к Клаудии сзади и пытается обнять ее. В ту же секунду Клаудия наносит удар с разворотом — левой ногой под коленку противнику. Обе падают. «Это мы еще не очень хорошо освоили,— извиняется Клаудия.— Но ничего. У нас еще целый учебный год впереди».

Пока что «Самооборону и самозащиту для девочек» изучают только в одной школе ФРГ. Вполне возможно, начинание получит распространение. Везде, где есть большие города с беспокойными улицами, молодежная преступность,— изучение в школах вендо может оказаться полезным. Инициатором введения нового предмета в школьную программу в городе Хюрте был сорокапятилетний Гинстер Фоттелер, два с половиной года работавший в мэрии города. Когда он начал свою деятельность в мэрии, по улицам было опасно ходить по вечерам. Полиция фиксировала рост числа изнасилований. «Я связался с уголовной полицией, и мы прикинули, что можно было бы сделать»,— говорит Фоттелер. Сначала они организовали в школах курс лекций для девочек, где служащие полиции рассказывали об опасностях, подстерегающих девочек в городе, и учили их правильно вести себя в критических ситуациях. Потом у Фоттелера и руководства городской полиции возникла идея организовать курс самообороны для девочек.

«В одном из сообщений федеральной уголовной полиции я прочел, что большинство мужчин, замысливших нападение на женщину, начинают с разговора с ней,— говорит Гинстер Фоттелер.— Этим разговором они пытаются выяснить, подходит ли женщина или девушка на роль жертвы». Если они ведут себя неуверенно и показывают свой страх, то тем самым провоцируют нападение. Если же они ведут себя уверенно и не испытывают страха, то потенциальный агрессор скорее всего начнет бояться сам и откажется от своего плана.

«То, что произойдет (или не произойдет), решается, как правило, в первые секунды контакта между потенциальным преступником и потенциальной жертвой»,— объясняет девочкам Мартина Эвенц. По профессии она педагог-психолог. Вместе с тренером по вендо Дэнни Петрат она разработала учебную программу. Занятие состоит из бесед с девочками, ролевых игр и практических занятий.

Опыт показывает, что в опасных ситуациях дело вовсе не всегда доходит до рукопашной. Иногда вполне достаточно сказать несколько слов — надо только знать, каких. Надо только уметь произнести их правильным тоном. Эти слова должны действовать убеждающе. «На прошлой неделе в трамвае я очень громко спросила, кому это принадлежит рука, лежащая на моем колене,— рассказывает одна из девочек.— Тип рядом со мной покрылся пунцовой краской и вышел на ближайшей остановке».

Что касается Ирис, то ей пока что не пришлось применять свои умения на практике. Только дома она кое-что показала родным. «Мой папа был потрясен, когда я рукой перерубила деревяшку толщиной в два сантиметра». А ведь вначале, когда занятия по вендо только начинались, девочки не верили в то, что смогут делать такие штуки. «Мы думали, что это могут только мужчины, что нужно быть очень сильным,— говорят они,— но дело-то не в силе, а в концентрации». Сильке слушает и кивает: «Да, да. А как здорово, когда начинаешь чувствовать себя уверенно».

Гинстер Фоттелер намеревается распространить опыт, накопленный в школе Хюрта, по всем школам ФРГ. Но у него уже возникли трудности. Двое шестнадцатилетних одноклассников Сильке, Клаудии, Ирис и других девочек обратились к нему с письменным воззванием, в котором задавали вопрос о том, нельзя ли организовать что-то подобное и для юношей. Например, занятия под девизом: «Как защитить себя от девушки, прошедшей курс вендо?» Вполне оправданный вопрос, считает Фоттелер.

Перевел с немецкого А. Анин

GUNS N' ROSES
Guns N'Roses

K

«KING'S X». Группа «Кинг'з экс» (это название скоростной автострады Чикаго — Милуоки) образовалась в 1985 г. в США.

Состав: Дуг Пинник, бас, вок.; Тай Тейбор, гит., вок.; Джерри Гаскилл, уд.

Все члены этого хард-рокового трио — выходцы из разных штатов: Пинник родился в Чикаго, Тейбор жил на берегах Миссисипи, Гаскилл провел детство в Нью-Джерси. Большинство обозревателей называют «К. э.» продолжателями музыкального направления, которое в 70-е гг. разработала ирландская группа «Thin Lizzy» — помимо чисто внешнего сходства (бас-гитарист и вокалист «К. э.» Дуг Пинник — мулат, очень похожий на покойного Фила Линнота), амер. трио придерживается стилистической манеры знаменитых ирландцев.

Дебютный альб. группы «Out Of The Silent Planet» вышел в 1988 г.— это вполне зрелая работа, сделавшая бы честь даже признанным мастерам жанра. В композициях прослеживаются ходы, характерные для хард-рока 70-х, что на волне воссоединения старых групп лишь работает на популярность «К. э.».

Второй диск был записан в прошлом году, и его появление было встречено хорошими рецензиями; впоследствии пл. побывала в самых престижных хит-парадах мира, в том числе в хит-параде журнала «Биллборд» — творческий рост группы очевиден, а если учесть, что трио (тем более в хард-роке) — предполагает виртуозное владение инструментами — вспомним «Cream», «Grand Funk Railroad» и «Rush»,— то стремительная карьера «К. э.» дает основания для самых оптимистичных прогнозов.

Можно записать в актив группы и отличные гастроли в Англии вместе с «Anthrax»: достойное выступление на одной площадке с группой, чья популярность поистине не имеет границ, но чья стилистика — совершенно иная, свидетельствует о смелости и честолюбии молодых музыкантов, а это не последние качества, необходимые для достижения цели.

Пл.: Out Of The Silent Planet, **1988;** Gretchen Goes To Nebraska, **1989.**

«KINKS» **(«Кинкс»), группа «Причуды» образовалась в 1962 г. в Великобритании.**

Исходный состав: Рэй Дэвис (полное имя Рэймонд Дуглас Дэвис), гит., вок.; Дэйв Дэвис (полное имя Дэвид Грэхем Дэвис), гит., вок.; Питер Куэйф, бас; Мик Эйвори, уд.

Сценический имидж лидера «К.» Р. Дэвиса — красная охотничья куртка, сапоги с ботфортами, прическа в стиле «модов» — стал впоследствии моделью, которую вначале взяли на вооружение «отцы» глиттер-рока и которой сейчас (в несколько измененном виде) продолжают пользоваться «металлические» группы.

История «К.» — это живая легенда рока, вместе с другими «долгожителями» — «Rolling Stones», «The Who» и «Hollies» — «К.» вписали в историю англ. рок-музыки самые славные страницы. Выпускники художественной школы братья Дэвисы начинали в поп-группе «The Ravens»; вскоре Р. Дэвис переименовал ее в «Кинкс». Первый сингл «Long Tall Sally» оказался буквальной копией варианта, сделанного «Битлз» (которые сами, в свою очередь, переаранжировали классический хит Литтл Ричарда). Сингл «You Do Something To Me» разошелся всего в 127 экземплярах, но следующая композиция «You Really Got Me» имела ошеломительный успех (1-е место в Англии, 7-е в США) и стала основой для участия «К.» в «британском вторжении» («РЭР» № 5/88). В том же 1964 г. группа записала еще одну вещь — «All Day And All Of The Night», которая также заняла высокие места в хит-парадах Англии и США. («К.» подтвердили свое высочайшее мастерство композиторов-исполнителей, когда отошли от традиционного для того времени ритм-энд-блюзового формата и написали эффектную балладу «Set Me Free», 1965; 9-е место в Англии, 23-е в США.)

В 1966 г. группа записала альб. «The Kinks Kontroversy», в котором также была хитовая песня — «Till The End Of The Day» (8-е место в Англии, 50-е в США). Не вполне корректное выступление в муз. программе амер. телевидения в 1966 г. привело к конфликту группы с амер. музыкантами, результатом которого стало отстранение «К.» от гастролей по США (они возобновились только в 1969 г. после выхода альбома «Arthur»; эта пл. наряду с «Tommy» была первой в истории рок-оперой).

В период вынужденной изоляции Р. Дэвис изменил ориентацию «К.», и группа записала ряд концептуальных альб. («The Kinks Are...», «Arthur»), что, впрочем, было в то время модно. Для работ «К.» конца 60-х характерна выраженная ностальгия по прошлому, против которого выступали практически все группы — современники «К.». Тогда же заявил о себе и Д. Дэвис, создав ряд интересных композиций («Death Of A Clown», «Susannah's Still Alive», «Lincoln County»), которые принесли ему известность (что впоследствии помогло ему в сольной работе).

Следующий концептуальный альб. («Lola...», 1970) был построен на истории некой группы, пытающейся создать хитовый диск — в действительности на пл. оказалась одна хитовая вещь, «Lola».

«К.» также были известны своими концертами, во время которых музыканты устраивали на сцене театрализованные представления, многие их разработки легли в основу спектаклей, в которых принимали участие братья Дэвис — такие альб., как «Preservation Act 1», 1973; «Preservation Act 2», 1974; «Soap Opera», 1975; «Schoolboy In Disgrace», 1975, являются лишь бледной копией одноименных концертных шоу (по этой причине они и не были столь популярны, как обычные студийные пл.).

Во второй половине 70-х «К.» ушли от «сквозных» пл. и вновь нацелились на хит-парады («A Rock'N' Roll Fantasy», 1987—30-е место в США; «Wish I Could Fly Like», 1979 — 41-е место в США) — примерно в то же время классические композиции «К.» стали включать в свой репертуар самые разные группы («Van Halen», «Pretenders»), и «К.» вновь оказались в фокусе прессы. Группа также была одной из первых, записавших полнометражный видеофильм своего концерта («One For The Road», 1980). Успешным оказался и альбом 1981 г. «Give The People What They Want», хотя лишь одна композиция из него («Better Things») попала в хит-парад, и то лишь на 91-е место.

В работах группы 80-х гг. ощущается влияние лидеров этого десятилетия, но при этом «К.» сохраняют присущий им мелодизм и не «грешат» зааранжированностью, столь характерной для групп, образовавшихся на рубеже 70—80-х гг. Р. Дэвис много работал вне группы — он был продюсером альб. Тома Робинсона, Дона Джонсона, создал сценарии фильмов «Невинные солдаты» и «Перси». В последних альб. группа пытается вернуться к манере и стилистике начала 70-х.

Пл.: The Kinks, 1964; Kinksibe Hits, **1964 (EP);** You Really Got Me, **1965;** Kwiet Kinks, **1965 (EP);** Kinks-Size, **1965;** Four Times Four, **1965 (EP);** Kinda Kinks, **1965;** Kinks Kingdom, **1966;** The Kinks Kontroversy, **1966;** The Kinks Greatest Hits!, **1966;** Kinksize Session, **1966 (EP);** Face To Face, **1966;** Dedicated Kinks, **1966 (EP);** The Kinks, **1966 (сборник, не путать с первым альб.);** Well Respected Kinks, **1966;** Live At The Kelvin Hall, **1967 (LiveLP);** Something Else, **1967;** Sunny Afternoon, **1967 (сборник); (**The Kinks Are**)** The Village

РЭР вне очереди

Michael Schenker

Майкл Шенкер — гитарист столь же виртуозный и разноплановый, как и его великие предшественники: Джими Хендрикс, Джон Майалл, Джимми Пейдж, Ричи Блэкмор. Сегодня он — весьма заметная фигура в роке, что объясняется не только успешной сольной работой, но и — может быть, главным образом — ностальгической тоской слушателя по року 70-х. Именно в 70-е и взошла звезда Майкла: он был членом «Скорпионз» (вместе со своим старшим братом Рудольфом), а позже стал звездой мирового масштаба в составе некогда славной английской группы «UFO».

На рубеже 70-х и 80-х Шенкер-младший собрал собственную группу, и первые работы были очень интересными. Затем — неизбежный в любом деле спад активности, период творческой «инерции», и возрождение в новом качестве.

Майкл Шенкер вновь в центре внимания прессы, на его концерты ломится публика, альбомы пользуются спросом — все это благодаря удачному подбору музыкантов и, конечно же, опыту мастера. Вокалист Робин Маколи, работающий с Майклом с 1987 года, в равной степени «ответствен» за успех последней работы, альбома «Save Yourself», 1989.

Green Preservation Society, **1968**; Arthur (Or The Decline And Fall Of The British Empire), **1969**; Kinks Part 1: Lola Versus Powerman And The Moneygoround, **1970**; The Kinks, **1970 (2 LP — сборник, не путать с первым альб. и сборником 1966 г.)**; Percy, **1971 (к фильму)**; Muswell Hillbillies, **1971**; Golden Hour, **1971 (сборник)**; Lola, **1971**; Everybody's In Show-Biz, **1972 (2 LP — Live)**; The Kinks Kronikles, **1972 (сборник)**; The Great Lost Kinks Album, **1973**; Preservation Act 1, **1973**; All The Good Times, **1973**; Golden Hour, Vol. 2, **1973 (сборник)**; Preservation Act 2, **1974**; Soap Opera, **1975**; Schoolboy In Disgrace, **1975**; Pop Chronik, **1975 (сборник)**; Celluloid Heroes — The Kinks' Greatest, **1976 (сборник)**; The Kinks File, **1977 (2 LP — сборник)**; Sleepwalker, **1977**; Misfits, **1978**; **20** Golden Greats, **1978 (сборник)**; Low Budget, **1979**; Second Time Around, **1979**; One For The Road, **1980 (2 LP — Live)**; You Really Got Me, **1980 (сборник)**; All Day And All Of The Night, **1980 (сборник)**; Collection, **1980 (сборник)**; Give The People What They Want, **1981**; State Of Confusion, **1983**; Dead End Street, Greatest Hits, **1983 (сборник)**; Word Of Mouth, **1984**; The Kinks — Kovers, **1984 (сборник)**; Greatest Hits, **1984 (сборник)**; The Kinks — Kollectables, **1984 (сборник)**; The Road, **1988 (Live LP)**.

Изменения состава: 1969 — Куэйф, +Джон Далтон, бас; 1970 +Джон Гослинг, клав.; 1977 — Далтон, +Энди Пайл, бас; 1978 — Пайл,— Гослинг, +Джим Родфорд, бас, вок., +Гордон Эдвардс, клав.; 1979 — Эдвардс, +Иэн Гиббонз, клав., вок.

Дэйв Дэвис соло: AFL1—3603, 1980; Glamour, 1981.

«Kiss» **(«Кисс»), группа «Поцелуй» образовалась в 1972 г. в США.**

Исходный состав: Джин Симмонс (настоящее имя Джин Клейн), бас., вок.; Эйс Фрели (настоящее имя Пол Фрели), гит.; Пол Стенли (настоящее имя Пол Эйзен), гит., вок.; Питер Крисс (настоящее имя Питер Крисскола), уд., вок.

Своим рождением глиттер-рок обязан Англии, такие исполнители, как Гэри Глиттер и Дэвид Боуи, заложили его основы, но максимального развития глиттер-рок достиг в США, где его взяли на вооружение Элис Купер, Лу Рид и «К.» — именно «К.» довели этот стиль до совершенства, и сейчас он является полноправным музыкальным направлением.

В 1970 г. музыканты выступали в Нью-Йорке под названием «Love Gun», **и в тот период их репертуар состоял наполовину из апробированных хитов, наполовину — из собственных композиций, отличительной чертой которых был ярко выраженный мелодизм (который «К.» сохраняют на протяжении всей своей карьеры). Вскоре группу обнаружил независимый телепродюсер Билл Окойн, и спустя некоторое время «К.» подписали контракт с фирмой «Касабланка рекордз».**

Составной частью плана по «завоеванию мира» стал также сложный сценический грим музыкантов — в сумме с театрализованными шоу и мощной, динамичной музыкой это дало мгновенный результат, и практически с первого альб. («Kiss», **1974) «К.» не знают, что такое забвение публики.**

Тем не менее первые три альбома критики подвергли разгрому, хотя их претензии относились главным образом к имиджу группы — музыкальные достоинства «К.» никогда не подвергались сомнению. Четвертый диск группы (концертный «Alive», **1975) стал «платиновым» в рекордно короткий срок, а на следующий год «К.» отпраздновали свой первый хитовый сингл,** «Rock And Roll All Nite» **(12-е место в хит-параде США).**

В 1976 г. группа несколько смягчила саунд, и это был правильный шаг: первая же композиция, созданная в новой манере («Beth», автор П. Крисс), разошлась миллионным тиражом и заняла 7-е место в национальном хит-параде. Пик популярности «К.» пришелся на 1976—1978 гг., в этот период все их альб. неизменно становились «платиновыми». (В 1977 г. «К.» выпустили сборник комиксов, в которых фигурировали сами музыканты, а в конце 1978 г. был снят мультфильм «Кисс» встречаются с привидением парка»; кроме того, в 1978 г. все члены группы выпустили сольные альб.)

В мае 1980 г. П. Крисс начал сольную карьеру и его место занял барабанщик Эрик Карр; в этот период музыканты отказываются от грима и впервые публика может видеть их лица (оказавшиеся весьма симпатичными). Замена барабанщиков, к удивлению многих, лишь усилила музыкальный потенциал группы, что подтвердили очень сильные альб., изданные в первой половине 80-х. Затем из состава вышел Э. Фрели, некоторое время его заменял Боб Калик, потом в состав вошел Винс Кузано (сейчас известный как Винни Винсент), затем Марк Нортон (выступавший под псевдонимом Марк Сент-Джон), однако равноценную замену «К.» нашли в лице гитариста Брюса Калика, работавшего до того в группе «Blackjack».

После некоторого спада «К.» вновь заявили о себе, выпустив великолепный альб. «Hot In The Shade», 1989, который, как предполагают музыкальные обозреватели, может стать предвестником новой трактовки хард-рока.

Пл.: Kiss, **1974**; Hotter Than Hell, **1974**; Dressed To Kill, **1975**; Alive, **1975 (Live LP)**; Destroyer, **1976**; Kiss — The Originals, **1976 (3 LP, переиздание первых трех пл.)**; Rock And Roll Over, **1976**; Love Gun, **1977**; Kiss Alive 2, **1977 (Live LP)**; Double Platinum, **1978 (2 LP)**; Dynasty, **1979**; Unmasked, **1980**; Music From «The Elder», **1981 (музыка к несуществующему фильму)**; Killers, **1982 (сборник)**; Greatures Of The Night, **1982**; Lick It Up, **1983**; Animalize, **1984**; Asylum, **1985**; Crazy Crazy Nights, **1987**; Smashes, Thrashes And Hits, **1988 (сборник)**; Hot In The Shade, **1989.**

Изменения состава: 1980 — Крисс, +Эрик Карр, уд., вок.; 1983 — Фрели, +Боб Калик, гит.; 1984 — Калик, +Винс Кузано, гит.; 1985 — Кузано, +Марк Нортон, гит.; 1986 — Нортон, +Брюс Калик, гит.

Питер Крисс соло: Peter Criss, 1978.

Эйс Фрели соло: Ace Frehley, **1978**; **(с группой** «Frehley's Comet»**)**: Frehley's Comet, **1987**; Life Plus One, **1988**; Trouble Walkin', **1989.**

Джин Симмонс соло: Gene Simmons, **1978.**

Пол Стенли соло: Paul Stanley, **1978.**

The Best Of The Solo Albums, **1981 (сборник, составленный из сольных альб. 1978 г.).**

«THE KNACK» («Нэк»), группа «Скрежет» образовалась в 1978 г. в США.

Состав: Дуг Фиджер, гит., вок.; Бертон Аверр, гит.; Брюс Гэри, уд.; Прескотт Найлз, бас.

Первый альб. этой группы стал одним из самых впечатляющих коммерческих дебютов рок-истории: пл., записанная за 11 дней и обошедшаяся музыкантам в 18 тыс. долларов — сумма более чем скромная, через 13 дней после выхода была уже «золотой», через семь недель — «платиновой», а к концу 1979 г. ее тираж превысил пять миллионов. Так приняли альб. слушатели, однако критики усмотрели в музыке «Н.» прямые заимствования из «Битлз» и окрестили группу «музыкальной фальшивкой».

Однако коммерческий успех породил последователей (в музыке «Н.» также значительное место занимали элементы «новой волны» и панк-рока с весьма смелыми текстами), но одновременно в прессе началась кампания, направленная против группы, поскольку музыканты категорически отказывались встречаться с журналистами и давать интервью.

Несмотря на то, что пресса пыталась представить «Н.» как «группу без прошлого», основные композиторы «Н.» Фиджер и Аверр еще в 1971 г. входили в состав группы «Sky», с которой записали два альб. К середине 70-х они уже познакомились с будущими коллегами и все четверо работали в качестве сейшнменов.

Успех первого альбома и сопровождавшая его шумиха заразили музыкантов банальной «звездной болезнью» — они принялись менять менеджеров и продюсеров, записали еще два, менее успешных диска, «провалили» турне 1982 г. и в конце концов распались. Аверр, Гэри и Найлз собрали группу «Game», а Фиджер организовал собственный коллектив под названием «Doug Fieger's Taking Chances».

Пл.: Get The Knack, **1979**; ...But The Little Girls Understand, **1980**; Round Trip, **1982.**

Michael Schenker

Вглядываясь в сегодняшние события в Никарагуа, мы непременно вспоминаем их истоки — 1979 год, год свержения диктатуры Анастасио Сомосы. То революционное движение было названо «Революцией поэтов».

Их было много — талантливых, злых и веселых, и все же особое место в этой плеяде принадлежало неистовому из неистовых, «красному кардиналу» — священнику и поэту Эрнесто Карденалю... С амвона он предал анафеме режим, ввергнувший страну в пучину национальных бедствий; из его проповедей слагались песни — ведь читал их Поэт. Карденаль прославился своей поэзией далеко за пределами Никарагуа. «Евангелие на Солентинаме», «Сомнительный пролив», «Псалмы», «Час 0», «В честь американских индейцев» — таков неполный перечень сборников его стихов.

Он по праву долгое время занимал пост министра культуры в революционном правительстве. Он сохранил за собой право остаться поэтом — и потому уйти с этого поста: поэзия и администраторство несовместимы. Рассказ, который мы предлагаем, написан им без малого сорок лет назад. Кто знает, из какой проповеди молодого священника родился этот сюжет...

Швед

Эрнесто **КАРДЕНАЛЬ**

Рассказ

Видите ли, я — швед. И представляясь таким вот образом, я просто сразу указываю вам на ставшее роковым для меня обстоятельство: ну, то самое, что я — швед. Не будь я шведом, в жизни моей никогда не случились бы те странные, а порой и просто невероятные события, о которых я собираюсь сейчас поведать.

Словом, я, как вам уже, полагаю, известно,— швед, а зовут меня Эрик Хальмар Оссианильссон. И вышло так, что совсем еще юношей, в 1897 году, я прибыл в эту небольшую центральноамериканскую республику (где до сих пор и пребываю), в рассуждении поискать здесь любопытную особь из семейства Jguanidae, чья генеалогическая ветвь, как я думаю, восходит прямиком к динозавру. Но, увы, экспедиция оказалась не из удачных: едва ступив на эту землю, я был арестован. Не ждите от меня объяснений случившемуся: долгие годы я безуспешно бился над этой головоломкой и понял лишь, что в мире не сыщется человека, способного ответить на этот вопрос.

В стране в ту пору происходила революция, и моя нордическая внешность, вероятно, вызывала некоторые подозрения; кроме того, не зная местного языка, я при всем желании так и не смог понять, чего именно от меня здесь допытываются. Однако очевидно ведь, что все это само по себе — далеко еще не повод для того, чтобы тащить человека в тюрьму... Ну вот видите, я же предупреждал, что докапываться тут до истины — значит тратить время впустую. Так что примите как есть: меня арестовали, и все.

С трудом пережевывая скверный свой словарный запас, напрасно силился я заставить хоть кого-нибудь из местных признать во мне шведа. Одно время я жил убежденностью в том, что официальный и полномочный представитель моей страны непременно явится, чтобы вызволить меня отсюда... Мои надежды улетучились, едва я обнаружил, что этот самый представитель не в силах объясниться со мной, поскольку не знает ни слова по-шведски и никогда, по-видимому, не имел никаких связей с моим отечеством; кроме того, он оказался немощным старцем и сам к тому же чуть что оказывался за решеткой. Вообще там, в камере, я перезнакомился с бессчетным количеством самых важных персон в республике, которым тоже приходилось частенько отправляться под замок; судите сами: экс-президент, сенаторы, армейские чины, просто весьма влиятельные люди, духовенство... Однажды нам составил компанию сам начальник полиции.

Вся эта знать обычно заявлялась в тюрьму не поодиночке, а целыми партиями, каждый раз ломая устоявшийся было распорядок: то и дело возникают какие-то визитеры, куда-то рассылаются циркуляры, кому-то тащат судки с домашним обедом, кто-то занимается подкупом стражи... Время от времени даже устраивались побеги. Из-за этих постоянных бурных приливов новых заключенных тем из нас, кто имел постоянный вид на жительство, приходилось вести как бы кочевой образ жизни. Бывало, едва пристроишься в индивидуальной, относительно комфортной камере, а тебя уж волокут в залу персон этак на сто, а то и двести. Или, напротив того,— в каморку, где и одному-то не развернуться. Хуже всего, если все места уже заняты: тогда непременно вели в пыточную — если, разумеется, в тот момент она не использовалась по прямому своему назначению. Вот так я и путешествовал по тюрьме... Впрочем, «по тюрьме» —

это не то слово; по той же причине я нередко менял и сами места заключения и таким способом объездил едва ли не всю страну, общаясь накоротке со всем, можно сказать, цветом нации.

Познания мои в языке все более совершенствовались, и вскоре я уже мог в любую беседу непринужденно ввернуть пару-другую фраз о том, что я — швед. Со временем я стал это делать, изъясняясь исключительно на языке великосветских салонов. Но потом пыл мой, иссяк, ибо если я полагал абсурдом, что человека бросают в тюрьму без всяких на то оснований, то с точки зрения этой публики ничуть не меньшей глупостью было даровать мне свободу лишь на том основании, что я — швед.

Минуло пять лет моих злоключений. Я давно уже перестал отстаивать права своего гражданства. Из всех надежд на избавление последней рухнула та, что возлагалась на истечение срока правления Президента — его, представьте, просто-напросто переизбрали. Но вот как-то поутру в мою камеру ворвались какие-то люди, по виду — правительственные чиновники и, к великому моему изумлению, обратились ко мне с единственным вопросом: не являюсь ли я шведом? Едва я успел сказать «да», как — кстати, впервые за весь этот срок — был вымыт, побрит и подстрижен. Затем мне вручили строгую фрачную пару и прочие предметы вечернего туалета.

Сгоряча я уж усмотрел было во всем этом несомненные признаки улучшения дипломатических отношений с моей страной, однако тут же закралось и мрачное подозрение (фрак только сильней убедил меня в этом), что таков уж местный обычай подготовки осужденного к восшествию на эшафот... Страхи мои слегка улеглись, лишь когда я понял, что меня ведут в апартаменты Президента Республики. Он ожидал в кабинете и, весьма любезно меня поприветствовав, осведомился разок-другой, что это я «тут набедокурил», с видом человека, не придающего своим словам абсолютно никакого значения. Потом, заметно оживившись, поинтересовался, а не швед ли я, часом. И когда я твердо ответствовал: «Да!», добавил: «Так, стало быть, вы и говорите по-шведски?» И, вновь услышав подтверждение своей догадки, протянул мне письмо, написанное изящным женским почерком, да еще и на языке моей страны... И попросил перевести. (Позже весьма осведомленные люди меня информировали, что это письмо изрядно переполошило правительство; буквально всю страну прочесали в поисках человека, который смог бы прочесть, что там написано. Но все было тщетно, пока кто-то из приближенных к Президенту людей вдруг не вспомнил, что вроде слышал, как один заключенный орал благим матом, что он — швед.)

Письмо принадлежало некой девице, назвавшейся Сельмой Берхессон,— она просила выслать ей несколько монет — «ну, из тех самых очаровательных золотых кругляшек, что, как я слышала, у вас в обращении», выражая при этом свое искреннее восхищение личностью Президента столь экзотического государства. К письму была заботливо приложена ее фотография. Это был самый прекрасный снимок из всех, какие мне доводилось видеть.

Выслушав перевод, его превосходительство, в котором текст письма, а пуще того — облик девицы вызвали чувство глубокого удовлетворения, тут же продиктовал ответ, обмакнув велеречивые обороты в патоку галантных комплиментов, и в конце концов пообещал исполнить ее просьбу... Пусть даже и в нарушение закона. Все это я со всем тщанием перевел на шведский; во мне вдруг проснулась уверенность, что уж теперь, когда по счастливой случайности вдруг обнаружилось, что я могу быть весьма и весьма полезен, передо мной не только распахнутся двери тюрьмы, но, глядишь, и службишку какую придумают в департаменте. На худой конец, вспомоществуют в поисках желанной представительницы семейства, моей Jguanidae. И все же — так, из мелкого опасения, как бы чего не вышло,— я, благословясь, приписал к президентскому посланию несколько фраз от себя; обрисовав вкратце мою ситуацию, я умолял соотечественницу принять участие в моем освобождении.

Недолго же мне пришлось подыскивать повод, чтобы поздравить самого себя за такую находчивость... В ушах еще звучала сердечная благодарность Президента, а я уж был тем же путем препровожден в тюрьму, где с меня живо содрали фрак и прочие причиндалы, и за спиной вновь захлопнулась дверь камеры. Но зато каждый последующий день был исполнен надежды... Так и вышло: купанье, стрижка, бритье, фрак и манишка как бы известили меня, что долгожданный ответ наконец-то пришел.

Как я и предполагал, в этом ответном письме целый абзац был посвящен моей персоне — Сельма Берхессон в учтивых выражениях просила выпустить соотечественника на свободу. Но, на беду,— и я это тоже предвидел—именно эти слова я никак не мог довести до сведения Президента, поскольку тот либо решит, что все это — мои собственные домыслы, либо разгадает ту мою хитрость с припиской к его посланию, и, вполне возможно, это будет стоить мне жизни... Словом, мне пришлось скрепя сердце заменить тот абзац несколькими фразами туманно-любовного содержания, которые, по моим расчетам, пришлись бы весьма по вкусу его превосходительству. Но зато, трудясь над переводом его ответа, я уже не пожалел красок, в деталях описав здешнее мое существование. И приложил максимум стараний к тому, чтобы самыми суровыми средствами реализма выбить из соотечественницы всю эту романтическую дурь, мешающую ей увидеть истинный облик Президента и характер насаждаемых им здесь порядков.

С тех пор девушка стала писать все чаще, проявляя растущий интерес к моим делам. И все чаще и чаще я стал принимать ванны, бриться, облачаться во фрак... Да, отчасти это унижало мое достоинство... Но зато крепла надежда вырваться на свободу.

Я становился все откровенней. И должен признаться, все те тоскливо-томительные паузы, что тянулись от письма до письма, все дни и ночи тягостного ожидания очередной весточки я заполнял мыслями о свободе, и они мешались с мыслями о прекрасной девушке, которой, быть может, суждено даровать мне эту свободу... Ах, все это совершенно смешалось, так что я уж и сам не знал, чего теперь так страстно добиваюсь — свободы ли?.. (На деле-то девушка и была моей свободой, о чем я и писал со всей откровенностью — под «диктовку» Президента.) Другими словами, я попросту влюбился по уши, и сознание, что мне отвечают полной взаимностью, окрыляло меня.

Но увы мне: и Президента обуяла страсть, да какая... И хуже всего было то, что ведь это я сам, своими, можно сказать, руками заставил его поверить, что все до одного письма моей соотечественницы адресованы только ему — и никому другому.

Отныне мрачные дни заточения я коротал как мог, сочиняя очередное письмо, адресованное Президенту. (Это занятие, кстати, было весьма полезным, поскольку его превосходительство не позволял мне прочитать для начала письмо про себя, или хотя бы быстренько пробежать текст глазами, а уж потом приняться за перевод. Нет, он всегда требовал переводить строчку за строчкой, добиваясь точного перевода. Кроме того,— то ли из недоверия ко мне, то ли желая еще и еще раз испытать удовольствие,— он заставлял меня раза по три-четыре перечитывать каждое письмо.) А ведь мне еще предстояло сочинить собственный ответ моей возлюбленной, полируя до блеска президентские признания, вложить в них всю поэтическую прелесть шведского языка, добавляя порой от себя маленькие стихотворные импровизации собственного сочинения.

Стремясь написать по возможности больше, я заставлял Президента отвечать на бесчисленное множество самых разных вопросов, касающихся истории, быта и нравов страны, ее полезных ископаемых, политической обстановки. И, надо сказать, он всегда охотно на них отвечал. Собравшись с мыслями, он диктовал мне целые трактаты — большей частью они затрагивали правительственные и государственные проблемы. С каждым разом он проникался все большим доверием к корреспондентке, без конца выклянчивая у своей возлюбленной всяческие советы и соображения по тем или иным

вопросам... Вот так и вышло, что я, заточенный в своей грязной, отвратительной камере, прибрал к рукам судьбы всего государства (о чем никто, включая самого Президента, и не подозревал) и с помощью разных намеков, нежных подсказок, а то и прямых указаний добился возвращения политических ссыльных, смягчения приговоров, выпустил на свободу множество моих товарищей по несчастью — и никто из них по неведению слова доброго не сказал в мой адрес.

В дни президентских диктантов особую радость доставляла мне пусть и мимолетная, но все же возможность увидеть ее фотокарточку, которую Президент время от времени извлекал из кармана — чтобы, по его собственному признанию, вдохновиться на очередное послание. Я попросил ее, чтобы почаще и побольше их высылала, но, как нетрудно догадаться, все фотографии становились добычей Президента. В отместку все его многочисленные и весьма дорогие презенты отсылались ей исключительно от моего имени.

Но с любовью во мне зародилась еще одна мания, не дававшая покоя ни днем, ни ночью: ее разжигала объемистая коллекция писем, скопившихся в письменном ящике Президента, писем, во всех деталях живописующих идиллическую историю наших отношений; под конец там не было ни строчки, адресованной Президенту. Впрочем, нет — изредка он упоминался, но только в контексте проклятий в его адрес. И каждое из этих любовных посланий, какое ни возьми, было, по существу, моим смертным приговором.

Понятно, что, кроме любовной, доминирующей в нашей переписке стала тема моего освобождения. Вместе мы строили, отвергали и вновь вынашивали великое множество всяческих планов. Я начал с того, что отказался было поправлять очередные письма до тех пор, пока не выпустят на свободу. В ответ меня попросту посадили на хлеб и воду; к этой добавилась еще худшая пытка — я был лишен возможности читать ее письма, и это сломило мою волю.

Условием своей капитуляции я выдвинул требование предоставить мне возможность хотя бы каждый день умываться, бриться, носить приличную одежду, а не делать это лишь в дни получения писем — по крайней мере, это выглядит не так унизительно, да и вообще — так практичней. Но и в этом мне было отказано.

Наконец моя возлюбленная вознамерилась нанести визит Президенту и лично уладить с ним все мои дела. План этот был обречен на самую горячую и решительную поддержку Президента, уже некоторое время энергично настаивавшего на этой поездке, но я самым решительным образом воспротивился, поскольку осуществление этого плана было бы равносильно утрате моей возлюбленной — я бы уже не увидел ее никогда. Взамен я предложил, чтобы сюда приехала под ее именем другая красавица — пусть она и хлопочет за меня... Но Сельма категорически возразила, заметив, что этот план, и без того достаточно рискованный, не так-то просто осуществить, поскольку в Швеции еще надо поискать такую красавицу. Да еще чтоб согласилась на такое... Была у нее еще одна задумка, вполне близкая уже к осуществлению: она собралась было обратиться к правительству Швеции с требованием заявить решительный протест и даже разорвать дипломатические отношения с этой республикой. Но я вовремя подсказал ей, что в таком случае не только мгновенно прервется наша переписка, но разрыв дипотношений обернется для меня лично немедленной смертной казнью. Я, в свою очередь, был как раз за самое решительное улучшение отношений между обоими государствами, отношений, оставлявших в данный момент желать много лучшего. На что она вполне резонно заметила: «А как убедить правительство Швеции в необходимости срочно и решительно улучшать отношения с этим государством по той только причине, что его власти незаконно арестовали и держат под замком шведского гражданина?»

Но самую бредовую идею выдал ее приятель-адвокат, взявшийся оформить документы с требованием выдачи меня как особо опасного преступника; ему и в голову не пришло, что услышь такое, Президент, не задумываясь, отправит меня на тот свет.

А между тем к множеству моих невзгод добавилась еще одна, становившаяся с каждым днем все опасней, все хлопотней. Ведь я сам уже представлял определенную опасность в глазах Президента — я стал поверенным во всех его секретах, раздумьях и тайных признаниях, и эта роль таила для меня смертельную угрозу. Разумеется, его день ото дня распалявшаяся любовь служила наибольшей гарантией моей безопасности: я буду жить, пока он испытывает во мне нужду. Но от сознания такой безопасности становилось еще горше — ведь по той же причине он никуда меня от себя не отпустит. Как все похоже: если раньше я мечтал, чтобы в этой стране оказался хоть один мой соотечественник, то теперь панически боялся, что здесь рано или поздно окажется кто-то, кто прочтет наши письма...

Мы с моей возлюбленной уже с головой ушли в свои заботы, разрабатывая очередной план, обещавший оказаться самым удачным, когда случилось то, чего я больше всего боялся, упорней всего старался избежать: Президента покинула его страсть. На мою беду, это случилось в одночасье, так что я не успел принять никаких контрмер. Просто он вдруг стал отправлять все письма в корзину, и меня вызывали к нему уже лишь от случая к случаю — так, чтобы я коротенько зачел однодругое письмецо, на выбор. Слушал он вполуха — скорее из любопытства, чем по какой-то иной причине. И, главное, заставлял меня отвечать коротко, поделовому и лишь по существу затронутого вопроса.

Всю безысходную горечь, весь духовный надлом свой я вкладывал в коротенькие строчки, а в тех письмах, что имел еще счастье читать Президенту, звучал такой томительный, страстный призыв любви, на который вряд ли отваживалась когда-нибудь еще хоть одна женщина. Но дочитать до конца эти письма мне уже не давали — я уж удачей посчитал, когда добирался хотя бы до середины. И, что ужасней всего, потом мне довелось читать ее ответы на последние мои записки — она упрекала меня в черствости и, мучимая ревностью, дошла до того, что поставила под сомнение сам факт моей несвободы, а потом договорилась уж и до того, что я вообще ни разу в жизни не был в тюрьме. А я, по-прежнему урывками читая ее письма, отвечал редко и чаще всего невпопад... В последний раз, перед тем как ей ответить, меня и не подумали облачать во фрак: просто в камеру вошел надсмотрщик и продиктовал текст окончательного разрыва всяких с ней отношений. Для меня это было потерей всего: свободы, возлюбленной, последних надежд, наконец; да, всему настал конец. Я написал Сельме все, что мне продиктовали.

Если в моей камере и оставили несколько листков бумаги и ручку, так я думаю — это просто на всякий случай: может, придет еще какое-нибудь письмо. И если Президент не отправил меня на смерть, то всего лишь из чувства простой благодарности или полагая, что еще какая-нибудь романтически настроенная девица черкнет письмецо из Швеции. А может, он просто-напросто забыл обо мне. Не знаю. Совершенно не знаю также, продолжает ли мне писать возлюбленная моя, Сельма Берхессон, или тоже перестала думать обо мне. (Я даже порой обдумываю одну жутковатую идею: а была ли Сельма вообще на свете? Может, все эти письма состряпал кто-то из врагов Президента? Вообще здесь, в камере, я обзавелся такой вот скверной привычкой — подумывать обо всяких жутковатых вещах.)

С тех пор минуло еще более четырех лет, и опять мои надежды на истечение срока президентских полномочий не оправдались — его, представьте, снова переизбрали. Буквально на днях.

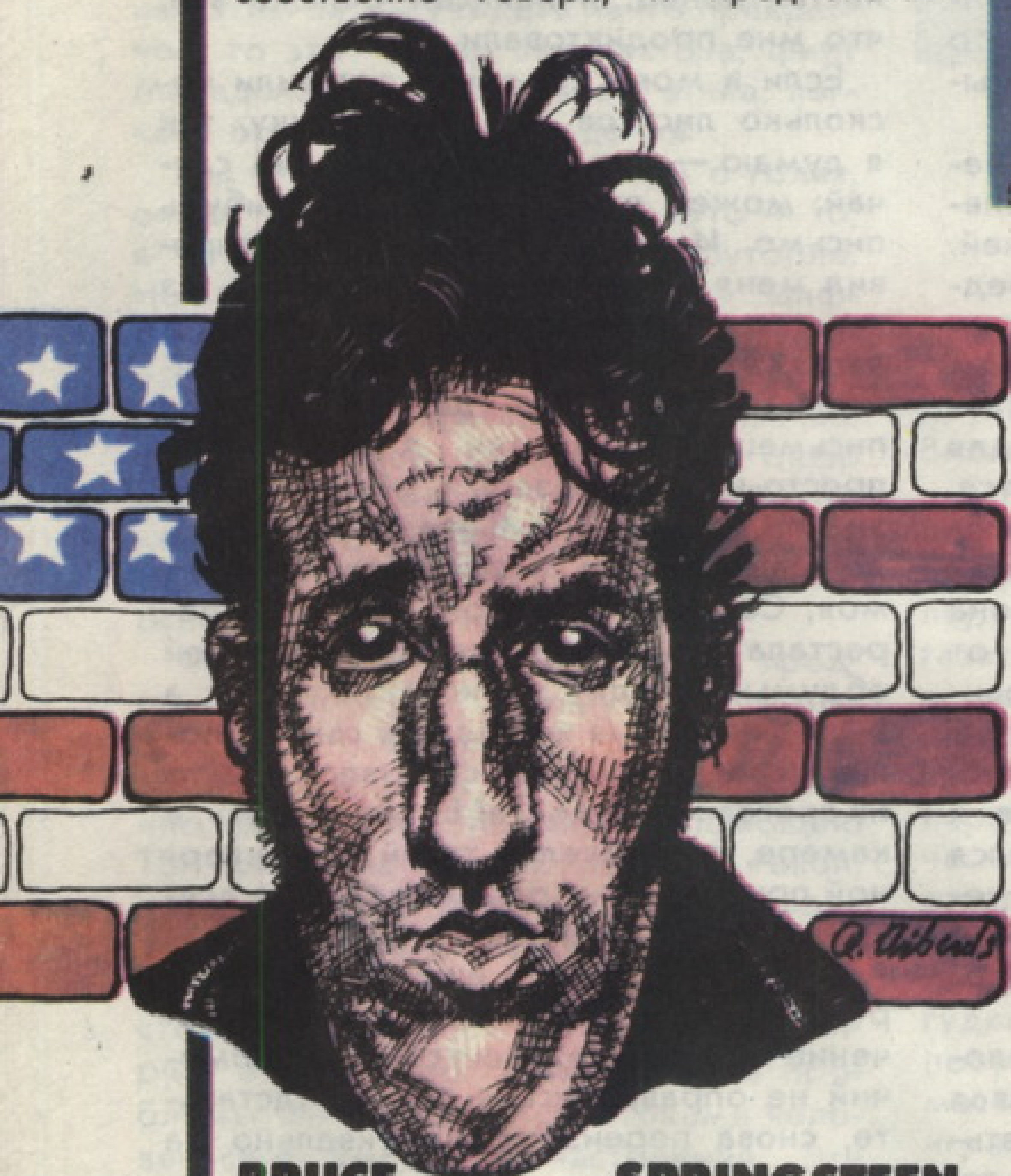
Вот я и взялся за перо и бумагу с тем, чтобы рассказать эту мою историю. Пишу на шведском, чтоб Президент не разобрал ни слова, если письмо попадет к нему. Ну а если повезет и кто-нибудь из соотечественников по случаю прочитает, то пусть уж вспомнит об Эрике Хальмаре Оссианильссоне, если к тому моменту я еще не отдам богу душу.

Перевел с испанского Н.ЛОПАТЕНКО
Рисунок Елены ШУРЛАПОВОЙ

BOY GEORGE

ИЗ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ — С ЛЮБОВЬЮ. Эту заметку можно было бы сделать забавной и непринужденной, как того и заслуживают изображенные на карикатурах исполнители, и, как, собственно говоря, и предполагает жанр карикатуры. Но шутки в сторону.

BRUCE SPRINGSTEEN

Если читатель полагает, что самым запомнившимся явлением рока 80-х было воссоединение «Дип перпл» или грохот кованых «металлических» сапог, то он глубоко заблуждается — французский музыкальный журнал «Рок э фолк» полагает, что таковым событием стала поп-музыка, и извольте отнестись к этому серьезно!

Брюс Спрингстин, начинавший как довольно искренний и несомненно талантливый исполнитель, в 80-е стал культовой фигурой Америки, причем не только в области музыки. И это всерьез.

Мадонна. Ее достижения несомненны и великолепны — она снимается в кино, поет, танцует, декламирует стихи. Она — звезда, именно это хотят сказать французские журналисты, и мы не будем с ними спорить.

Дуэт «Юритмикс» нам особенно близок, вряд ли бы без него наша звезда — Борис Борисыч Гребенщиков — выкатилась на всемирное небо. Будем чтить и «Юритмикс».

MADONNA

Красивая птичка Бой Джордж, похоже, отщебетала свое, но несколько лет назад — вспомните же! — без него не обходилось ни одно совместное музыкальное предприятие Англии и США.

Почитание — дело серьезное, что доказывают почитатели, украшая свой уголок портретами величайших исполнителей всех времен и народов. Но истинный почитатель всегда найдет повод улыбнуться...

EURYTHMICS

АМЕРИКАНЦЫ — ИЗВЕСТНЫЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ В НОВЫХ ВИДАХ СПОРТА. От них к нам пришла аэробика, увлекшая публику, помимо всего прочего, и красою термина. От них — шейпинг (ведь куда приятнее заявить, что ты занимаешься шейпингом, а не просто стараешься держать себя в форме), джоггинг (то есть бег трусцой), бодибилдинг (бодибилдер — это тебе не просто «качок»). Теперь вот, мерно отдуваясь, к нам шествует «степ-клайминг».

Что это такое? Да просто пеший ход по лестнице. Что это прекрасное упражнение и для суставов, и для стимуляции работы сердца, и для избавления от лишнего веса, было известно давно. Только вот занимались этим видом спорта американцы мало. Во-первых, как известно, Америка по преимуществу «одноэтажная», во-вторых, там, где она многоэтажная, по лестницам ходить порой просто опасно (например, в таком районе, как Бронкс). Выход из положения найден — специальные тренировочные машины, имитирующие «степ-клайминг». Правда, дороговаты они пока. И в этом наше преимущество перед американцами: перестав пользоваться лифтом, каждый из нас может заметно улучшить свое здоровье, сэкономив при этом по тысяче долларов!

«ВЗВЕЙТЕСЬ, СОКОЛЫ» — клич, вновь ставший в Британии очень распространенным: тренировка соколов — одна из возрожденных форм времяпрепровождения. Тренировка, а не соколиная охота, ибо кампания в защиту сусликов, полевых мышей, пернатых и прочих представителей животного мира весьма серьезна. Поэтому подкармливать ловчих птиц разрешается только бройлерной курятиной... А вот против содержания соколов в неволе никто не протестует — сидя дома, они наносят меньше вреда сусликам.

«АД» — ТАК КОРОТКО, НО ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЮТ ЮЖНО-КОРЕЙСКИЕ абитуриенты вступительный экзамен в колледжи и университеты. Экзамен длится девять часов, а конкурс в среднем по стране четыре человека на место. В декабре сдают экзамены в самые престижные заведения, в феврале — в те, которые попроще, но сдают обязательно. «Сейчас никто не хочет выходить замуж за юношей без образования. В нашем обществе конкуренция очень сильна, и без хорошего образования нечего и надеяться на то, что сможешь вести пристойную жизнь,— заявил корреспонденту журнала «Тайм» один из абитуриентов.— У нас есть пословица: «Четыре часа сна — поступил, пять часов — провалился» — чтобы сдать экзамен в колледж, учащимся выпускных классов школ приходится заниматься по 20 часов в сутки». Следует еще добавить, что репетиторство запрещено законом...

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ОСОБЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА НЕТ: САБРИНА не постриглась в монахини, это всего лишь кадр из фильма «Братья Италии», не пользующегося к тому же большим успехом. Однако изменение облика Сабрины не случайно: как заметили поклонники, после гастролей по разным странам (в том числе и у нас) певица стала выглядеть «как-то скромнее»: расстегивает поменьше пуговок на блузке, хотя поет по-прежнему. (На сегодняшний день во всем мире продано 14 миллионов дисков Сабрины.) Любителей ожидает воплощение новой идеи певицы: комиксы с ее изображением. Таким образом, в сферу ее влияния попадут и дети — главные потребители рисованных приключений.

ЭТОТ НАРЯЖЕННЫЙ ДРЕВНИМ РИМЛЯНИНОМ ЮНОША — житель южнокалифорнийского городка Индио. Историки не очень-то уверены в том, что страусиные бега были традиционным видом спорта в Древнем Риме, но жители Индио твердо убеждены, что именно таким образом и следует отмечать праздник урожая.

А почему бы и нет? Благо, скорость для гонок подходящая: при попутном ветре птичка нелетучая может набирать до 80 километров в час...

ДИ СНАЙДЕР
КУРС ВЫЖИВАНИЯ для подростков

Когда ты в депрессии

В начале моей подростковой жизни я мог стать профессиональным «депрессиком», может быть, даже консультантом по депрессии. Я проводил в угнетеннейшем состоянии духа почти все свободное время — из-за отношений с отцом, из-за того, что ребята в школе не хотели со мной водиться, из-за того, как я выглядел и как себя вел (дай-ка подумать, все ли я перечислил?) — и я вовсе не считал это особым, саморазрушающим состоянием духа. Мне казалось, что так и должно быть.

Это нормально — время от времени испытывать легкую депрессию, но в душах некоторых людей она разрастается огромным ядовитым грибом, который высасывает все силы и в результате ведет к душевному расстройству. Депрессия — это реакция на потерю. Любую. Смерть любимого щенка, переезд лучшего друга в другой город, разрыв с любимой девушкой... Но это может быть и потеря веры в себя или утрата прежней самооценки — тебя вдруг начали дразнить в школе, ты был младшим в семье, и вот у тебя появляется маленький братишка или сестричка, и так далее. Ты можешь испытать чувство потери, даже добившись какого-то определенного успеха — например, забив решающий гол, получив высший балл за контрольную или победив на конкурсе современных танцев. Цель, которой ты добивался, достигнута, и, пока ты не заменишь ее новой целью, ты чувствуешь пустоту.

Вот некоторые типичные причины подростковой депрессии:

Семейные проблемы родителей

Смерть любимого человека

Серьезная болезнь кого-то из членов семьи

Слишком строгие или, наоборот, чересчур многое позволяющие родители (много позволяющие родители как причина депрессии? Ну, мой личный опыт здесь не судья...)

Отсутствие друзей (вот это мне хорошо понятно...)

Ощущение провала (это тоже...)

Переход в новую школу (а как насчет того, чтобы вообще в школу пойти?)

Депрессия — штука заразная. Очень часто (в четырех случаях из пяти) люди, живущие с тем, кто мучается депрессией, сами летят с катушек. Когда в депрессии взрослые, они обычно и реагируют соответствующим образом: у них печальное лицо, они плачут, их лихорадит, их мучает бессонница, они теряют аппетит, их мучает чувство вины и неуверенности в себе.

Но подростки, испытывая те же ощущения, часто стараются их не выдавать, а ведь это могло бы быть сигналом для друзей и родителей. Они, как и я когда-то, маскируют свои истинные чувства. Некоторые прибегают к саморазрушительным моделям поведения: пьют, принимают наркотики, становятся распущенными, враждебно относятся к окружающим или начинают водиться с дурной компанией. К сожалению, взрослые зачастую замечают лишь внешние проявления, не стараясь поглядеть повнимательнее и разобраться в причинах. Многие родители виноваты в том, что не в состоянии услышать, что им говорят. Я думаю, происходит это потому, что они не желают видеть, что у их детей есть проблемы, потому что это говорит о том, что они не справляются со своими родительскими функциями. Порой они реагируют на депрессию своих детей с раздражением, что только ухудшает положение.

Если тебе худо, ты должен с кем-то поговорить — идеальный случай, когда ты можешь поговорить с родителями. Я этого никогда не мог, не мог я поговорить и с друзьями, я боялся, что они решат, что я чокнутый. Так что я держал все свои печали при себе, а это вредит здоровью. Подумай, с кем ты чувствуешь себя удобно — это не обязательно должен быть взрослый,— и откройся этому человеку. Если ты похож на меня, ты, вероятно, боишься, что он (или она) просто посмеются над тобой. Такое действительно может быть. Но скорее всего то, что ты им расскажешь, они испытывают или испытывали и сами, так что тебя поймут. Стоит попытаться. Если тебе действительно не с кем поделиться, существуют так называемые «Телефоны доверия», там работают хорошо подготовленные, озабоченные решением твоих проблем добровольцы. Они не только могут дать ценный совет, они — хорошие слушатели. Порой уже один тот факт, что эти люди тебе неизвестны, лишены лица — ты слышишь лишь их теплый, дружелюбный голос,— заставляет быть менее сдержанным, более открытым в выражении чувств.

И хотя при депрессии это совершенно естественно — чувствовать себя абсолютно одиноким, никому не нужным, лишенным всяческой надежды,— пойми, что помощь всегда доступна.

Поднимай тяжести, поднимай свой дух

Поскольку я не мог, или не хотел, говорить о своих угнетенных чувствах, я нашел спасение в музыке. Вместо того чтобы позволить депрессии лишить меня остатков разума, я заставлял свою ярость и опустошенность — а это весьма четко выраженные чувства — работать. Я приходил домой после уроков, поднимался к себе в комнату, закрывал дверь, включал проигрыватель, становился перед зеркалом и изображал, будто играю на всех инструментах и пою перед микрофоном. Я занимался этим часами, и к концу пот катил с меня ручьями, и напряжение, которое теснило мне грудь и мешало думать, уходило. Потом я научился управляться с депрессией — и вообще с жизнью — более рационально. «Выступления» перед зеркалом также помогли мне отработать сценические приемы и поведение.

Физические упражнения или любая повторяемая физическая деятельность помогают поднять настроение, и не просто потому, что ты отвлекаешься от своих проблем — повышается мышечный тонус. Активные упражнения заставляют мозг высвобождать естественные опиаты — эндорфины, которые в три раза сильнее, чем наркотический морфин. (Боже, все это время я думал, что я не наркоман, а, оказывается, я уже много лет сижу на эндорфине! И мне это нравится! Ха-ха-ха!) Хотя это и не доказано, но существует теория, будто упражнения перекрывают аналитические способности мозга и высвобождают более артистический взгляд. Не уверен, что именно поднятие тяжестей и бег вдохновляют меня на написание песен, но эта деятельность дает мне некоторые идеи — например, я порой думаю: «Зачем я все это тебе долдоню?»

Упражнения заставляют меня лучше относиться к себе самому, а когда я хорошо отношусь к самому себе, я

Продолжение. Начало см. в № 1—5 за этот год.

превращаюсь в счастливого кретина. А поднятие тяжестей — вообще моя тематика: играешь «тяжелый металл» — таскаешь тяжелый металл. Я даже бегаю под «тяжелый металл», напялив легкие наушники. Но здесь необходимо соблюдать осторожность: однажды я бегал под «Пока молот не грохнет, сон не идет» группы «Моторхэд», и когда дело дошло до песни «Туз пик», очень напористой и быстрой, я как раз подбегал к дому; песня на меня так подействовала, что я промахнул мимо ворот, дальше по дороге, потом вернулся и снова промчался мимо дома. Я так и не смог остановиться, пока не кончилась пленка.

Я обнаружил, что из депрессии можно выволочить себя чисто физически. Ты же все равно не решишь проблему, лежа на диване и скуля? К тому же чем дольше ты пребываешь в депрессии, тем менее странным состоянием кажется сама депрессия. Ты забираешься в нее, холишь ее, лелеешь, относишься к ней, как к единственному другу. Это то состояние, в котором тебе стало удобно, которое ты хорошо понимаешь. Вместо этого попробуй заняться каким-нибудь делом. Твой дружок порвал с тобой и ты чувствуешь себя брошенной? Забудь о нем. Сходи в магазин и купи пару мелочей. Поверь мне, парни все равно что автобусы: один ушел, так через несколько минут на твою остановку придет следующий. Я знаю, что то же самое говорит тебе и дорогая мамаша, и ты рада, что под рукой не оказалось гранаты, но это правда. Не углубляйся в проблему: ищи решение. Кстати, ручная граната — это не решение. Я пробовал, так моя матушка чуть с ума не сошла.

Но если ты чувствуешь сильную подавленность и это состояние не проходит за несколько дней, стоит посоветоваться с врачом-психиатром или невропатологом: проблемы могут быть биохимического порядка. Так, они могут объясняться химическим дисбалансом в мозгу, который порождает так называемую «эндогенную депрессию», и для нее может не быть видимых причин. В таких случаях прописываются лекарства, пациент проходит курс химической терапии и психотерапии. И учти: употребление алкоголя или наркотиков также ведет к депрессии.

В этой жизни я испытывал депрессию не раз — да и причины были достаточно значительными (возможно, когда мой сын станет подростком, он тоже предоставит мне немало поводов погружаться в это милое состояние). Но я знаю точно: депрессия проходит. Время — лучший лекарь, так говорят испокон веков, и это то самое выражение, которое ты наименее всего склонен услышать, когда бьешься в истерике. Но дай времени шанс.

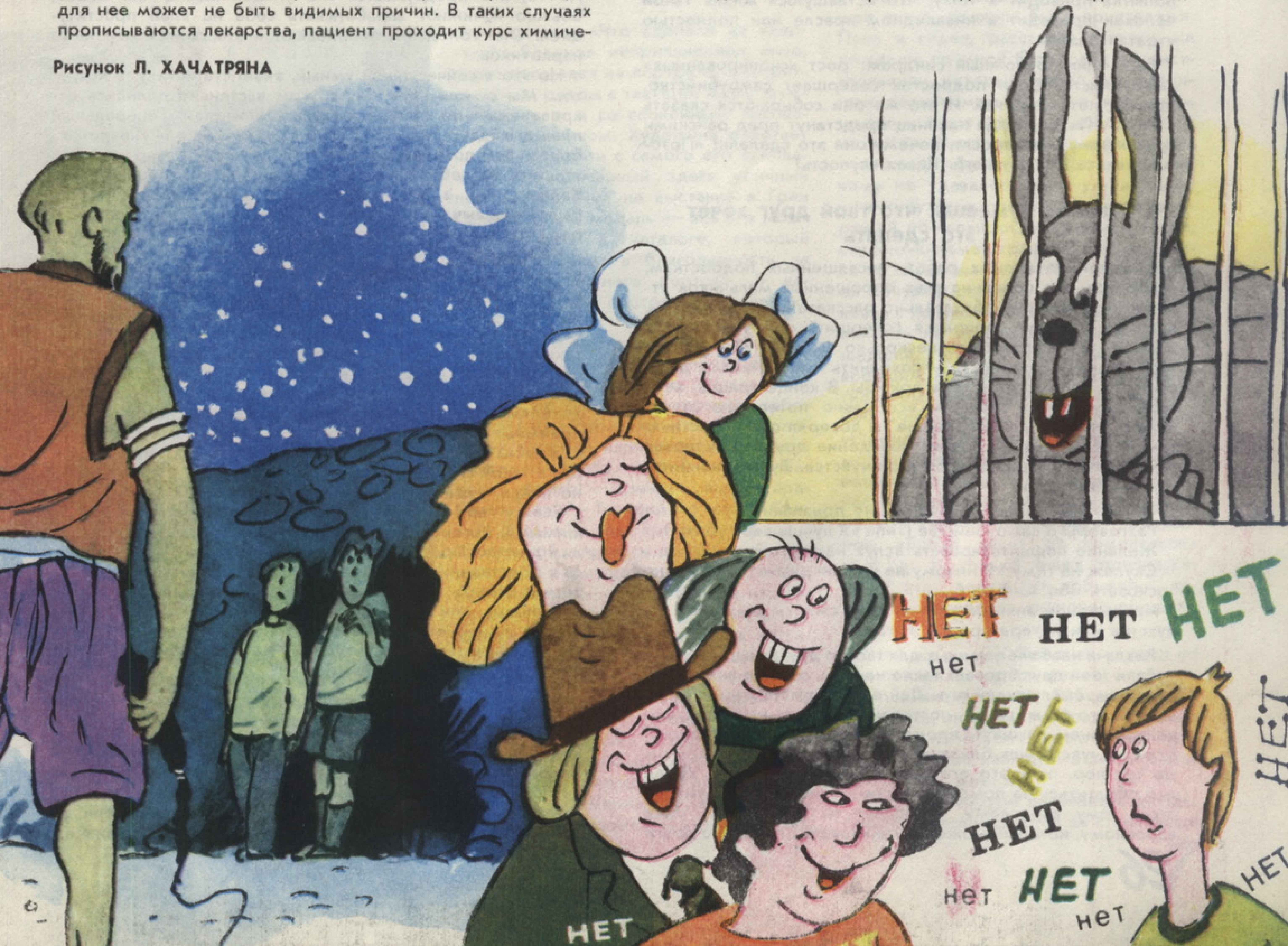
Самоубийство — это не решение

Когда речь заходит о самоубийстве, я превращаюсь в самого бессердечного из бессердечных мерзавцев. Я тоже был не самым большим счастливчиком, и слишком многое шло наперекосяк; не уверен, что многие из тех, кто читает сейчас эти мои нравоучения, переживают взросление столь же трагически. И все же, как ни ужасна бывала жизнь, я никогда не помышлял о самоубийстве. Я вообще считаю, что люди не имеют права убивать себя.

О да, временами и меня посещала та же идиотская фантазия, что, уверен, посещает тебя в минуты глубочайшего отчаяния: «Ну ладно, вот засуну голову в газовую духовку, тогда мама с папой узнают, что значит не давать мне ключей от машины!» Все это — безобидная мелодрама, на самом деле ты не имеешь ни малейшего намерения выполнить угрозу. (К тому же у тебя все равно нет водительских прав.)

Я не говорю, что не бывает таких проблем, когда вечный сон представляется единственным утешением. Некоторые трудности действительно кажутся неразрешимыми. И все же люди каким-то образом поднимаются над ними и

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

учатся с ними жить. Я верю, что есть альтернатива самоубийству — я называю это «символическим самоубийством». Если ты считаешь, что твое существование — горе горькое, измени его. Измени свой внешний вид. Если возможно, уезжай в другое место. В другой штат. В другую страну. Измени человека, в которого заключен твой дух. Я это сделал, когда заменил Дэниела Снайдера на Ди Снайдера. Запомни: ты можешь изменить в своей жизни многое.

К сожалению, большинство склонных к самоубийству мужчин и женщин испытывают сильнейшую нелюбовь к себе самим. Они чувствуют себя очень незначительными, беспомощными, они неспособны набраться смелости, чтобы решительным образом изменить свою жизнь. Порой и я такое испытывал. Но вот видишь: я жив и говорю тебе, как надо себя вести в подобных случаях.

Крик о помощи

Многие из тех, кто покушается на самоубийство, вовсе не хотят умереть. Они утратили способность говорить, общаться с миром обычным способом, для них сверхдоза таблеток или перерезанные вены — способ сообщить всем о глубине их отчаяния. Некоторые из самоубийц умирают, молясь, чтобы их кто-то нашел, спас до того, как наступит конец. Возможно, цифры, которые я здесь приведу, не самые точные, но я слыхал, что каждый год приблизительно 400 тысяч американских подростков совершают попытки самоубийства, а успеха добиваются менее чем две тысячи (похоже, методы требуют усовершенствования. Шутка.). Чаще пытаются убивать себя девушки, но юноши чаще выполняют свое намерение (пользуясь при этом более грубыми способами, такими, как веревка или пистолет). А бывает и так, что неудачная попытка приводит к тому, что оставшуюся жизнь такой человек проводит в инвалидном кресле или полностью утратив разум.

Еще один тревожный синдром: рост «скопированных» самоубийств. Один подросток совершает самоубийство, другой, потом третий. И что же они собираются сказать Святому Петру, когда наконец предстанут пред райскими вратами и у них спросят, почему они это сделали? «Потому что все это делают?» Какая глупость!

Если ты думаешь, что твой друг хочет это сделать

В одной из ученых работ, посвященных подросткам, говорится, что половина всех опрошенных мальчиков утверждают, что они обязательно рассказали бы взрослым, если бы их друг собирался совершить самоубийство. У девочек эта цифра была несколько выше. Я считаю, что твоя первая обязанность — сохранить чужую жизнь, даже если это будет стоить тебе дружбы. В конце концов, если твой друг убьет себя, ты все равно потеряешь друга. Важно, чтобы в данном случае ты доверял своим инстинктам и, если тебя беспокоит поведение друга, действовал так, как подсказывают тебе твои чувства. Лучше ошибиться, чем опоздать.

Обрати внимание на следующие признаки:

Разговоры о самоубийстве (типа «Я лучше себя убью»)

Желание пофантазировать вслух на эту тему

Скулеж на тему «Я никому не нужен», «Никто все равно тосковать обо мне не будет»

Чрезмерное внимание к мотивам смерти в музыке, искусстве или литературе

Раздача наиболее ценных для твоего друга вещей.

Если твой друг бросает такие намеки, спорь с ним. Говори с ним, выслушивай его. Дай ему почувствовать, что он нужен, что он желанен, постарайся уверить его, что раны со временем заживут, кроме пулевых ранений в голову. Если ты чувствуешь близкую опасность, останься с другом до тех пор, пока это его настроение не пройдет. Убеди его обратиться за помощью к специалистам. Расскажи об этом тому взрослому, которому ты доверяешь, тому взрослому, который может организовать для твоего друга помощь. Но самое главное — покажи своему другу, что тебе не все равно.

Ты можешь заметить, что после первого разговора на эту тему твой друг вроде бы обрел прежнее состояние духа. Это старый трюк! Это вовсе не значит, что кризис миновал, просто мысль о возможном самоубийстве как выходе приносит как бы временное успокоение. Человеку кажется, что он снова обрел контроль над своей жизнью, что вскоре все проблемы разрешатся. В одном исследовании сказано, что 75 процентов тех, кто совершил самоубийство, за месяц или даже менее до этого посещали врача, и сигналы опасности не были замечены или на них не обратили должного внимания.

И вот еще что надо иметь в виду: не все из тех, кто совершил неудачную попытку, не пробуют повторить ее вновь. Говорят, что первая попытка пересечь линию между жизнью и смертью наиболее трудна.

Если ты всерьез думаешь о самоубийстве, я настаиваю, умоляю тебя: поговори с кем-то, кто может помочь... А если кто-то из твоих друзей принял сверхдозу таблеток, тут же звони в полицию или в «Скорую помощь».

Бегство из дома

Если тебе некуда деться от проблем, то бегство из дома как способ их решения — просто никакое не решение. Может, ты решил убежать в ближайший крупный город, чтобы постичь науку жизни на улице? Звучит романтично, не так ли? Каждый год около 150 тысяч подростков удирают именно по этой причине. А потом они исчезают, и никто больше ничего не знает о них.

Жизнь на улице — это не жизнь. Из полутора миллионов ежегодно убегающих американских мальчиков и девочек бóльшая часть возвращается домой через несколько дней. Но те, кто продержался «на улице» месяц или более, обычно начинают зарабатывать себе на хлеб проституцией. Они голодают, заболевают и становятся жертвами наркотиков.

Но это я сейчас такой умный, знаю статистику, а когда-то... Мы с моим лучшим другом частенько делились откровениями по поводу тиранов-родителей. Генеральный план выглядел так: ночью прокрадываемся в универмаг, берем все походное снаряжение, какое только сможем утащить на себе, каким-нибудь образом добираемся до Калифорнии, а там будем жить на берегу океана. Это было чрезвычайно романтично и невероятно глупо, и я рад, что мы так и не собрались это сделать.

Какими бы ужасными ни были домашние проблемы, есть гораздо более удачные, чем бегство из дома, способы их решения. Если же ты все же сбежишь, возникнут новые проблемы, только новые будут куда хуже прежних. Если ты — жертва родительской жестокости (а именно такие ребята составляют треть всех беглецов), достаточно обратиться в соответствующую организацию, и для тебя приищут временное пристанище. А если проблемы с родителями вовсе неразрешимы, тогда для тебя найдут приемных родителей. Мы уже говорили, к кому обращаться в таких случаях (см. «Ровесник» № 4 за этот год.— Ред.). Да, в такой ситуации надо уйти из дома, но предварительно найдя, куда уйти.

Если у тебя проблемы в школе и они кажутся неразрешимыми, поговори с родителями о возможности перехода в другую. Проблемы дома? Может, на время перебраться к родственникам? Главное: просто сбежать прочь — это значит бежать в никуда, и какими бы ни были домашние сложности, они ничто по сравнению с тем, что ждет на улице: одиночество, голод, сутенеры, которые заставят тебя заниматься проституцией, да тебя просто может убить какой-нибудь маньяк!

Советчики

Если б у меня в детстве были деньги, то я бы непременно обращался за помощью к консультантам. Иметь возможность поговорить о себе с профессионалом, стать центром внимания? Да каждый бы заплатил!

Прежде чем продолжить, важное сообщение: если ты ищешь профессиональной помощи у врача, это не значит,

что ты псих. И это не форма наказания, тебе нечего стыдиться. Ты не всегда можешь поговорить о своих тревогах с друзьями, и для того масса причин. Либо ты сам боишься полностью раскрыться, стать совершенно беззащитным, либо они все равно тебе ничего ценного не скажут. Бывает, что твои друзья — это как раз часть твоей проблемы. С родителями тоже бывает трудно обсуждать серьезные вещи. Порой кажется, что их это вообще не интересует.

«Привет, дорогой, как прошел день?»

Вот что хотят услышать большинство родителей:

«Отлично, ма! На английском мы изучали Шекспира, и я не могу дождаться, когда наконец сяду за стол, чтобы начертить графики по алгебре».

«О, как замечательно!»

Потрясающий обмен информацией между детьми и родителями! Но мы-то знаем, что жизнь отнюдь не так проста, если только твоя семья не состоит сплошь из лжецов и лицемеров. А что, позвольте осведомиться, должен отвечать на мамашин вопрос подросток? Правду? «Ужасно. Я пригласил Сузи Ивенс на свидание, а она засмеялась мне в лицо и сказала, что не пойдет, потому что я дятел. Ма, у меня действительно есть проблемы, я непривлекателен, и мне пора уже иметь свою девчонку. Что ты по этому поводу думаешь?»

Как раз между словами «непривлекателен» и «иметь свою девчонку» мама теряет сознание и падает носом в салат.

В тех случаях, когда ты не можешь или не хочешь поговорить с друзьями или родителями, или когда тебе кажется, что проблема настолько сложна, что требует профессиональной помощи, тебе следует обратиться к консультанту-невропатологу, психотерапевту. Но кто я такой, чтобы советовать? Я ведь и сам был классически противным дятлом, который тщетно пытался завести «свою девчонку»!

Карьера и колледж

Они говорят:
«Когда ты отправишься в школу?
Почему бы тебе не устроиться на работу?
Займись лучше делом!
Посмотри на себя, ты похож на бандита!
Ты думаешь, жизнь — это беспечная прогулка?
Слушай внимательно:
Мы положим конец твоему празднику!
Пора уже подумать об ответственности».

Песня группы «Твистед систер»
«Не хочу становиться взрослым»

Выбор профессии может оказаться одним из самых трудных выборов в твоей жизни. Прекрасно помню, как я проходил тест, который должен был определить мои сильные и слабые стороны применительно к делу, которым я мог бы заниматься. По результатам проверки я с равным успехом мог бы выбирать профессию: а) ассенизатора, б) посла, в) совмещать эти две должности. Мне кажется, основными критериями отбора были: а) горы мусора в моей комнате, б) мое пристрастие к итальянской кухне. Сильно помог мне этот тест!

На самом деле все это тестирование я проходил просто так, от дури. С восьмилетнего возраста, увидев выступление «Битлз» в телепрограмме «Шоу Эда Салливэна», я уже точно знал, чем буду заниматься в этой жизни. Публика на выступлении великих англичан ревела как полоумная, и я подумал: «Мне это подходит». Если у меня и возникли сомнения относительно возможности стать рок-музыкантом, то они исчезли в том же году, когда я попробовал спеть песню на рождественском карнавале. Дело было в папином клубе — я вышел на сцену, зал был битком набит предками, все прожектора направили на меня. Когда я закончил петь, все принялись аплодировать. На мне не было никакого такого «рóкового» костюмчика, длинные волосы я еще не отрастил, жидкий азот в том клубе не применялся, но ощущение восторга от этого первого в своей жизни концерта я помню и сегодня.

Я мечтал только об одном. В сладких снах я видел газетные объявления: «Требуется рок-вокалист. Мужчина. Должен стоически выдерживать шквал аплодисментов и лавину оваций. Необходимо умение быть постоянным центром внимания средств массовой информации. Заработки — неограниченно фантастические». Да, ради такой работенки я готов выползать из кровати рано утром!.. Хотя нет, это уж слишком — только после обеда!

Желание привлечь к себе внимание было настолько могучим, что мне казалось недостаточным просто собрать группу. Надо было стать ее лидером, как Джон Леннон в «Битлз». Нет, там еще Маккартни. Лучше уж как Мик Джеггер в «Роллинг стоунз», он все-таки «чистый» вокалист. До тех пор, пока выступления с группой оставались для меня всего лишь хобби, предки не вмешивались. Все было «очень мило». Но чем старше я становился, тем отвратительнее казалось им мое занятие и тем настойчивее они старались отвратить меня от рок-музыки. Вечерами, особенно по выходным дням, они запрещали мне выходить из дома, чтобы я не удрал на репетицию. Однако мне позволяли заниматься джоггингом, поэтому, как только я оказывался на улице, я трусцой, постепенно увеличивая скорость, мчался в репетиционный зал, мы долбили пару новых песен, и я пулей летел домой.

Когда мне было тринадцать лет, мы с сестрой решили организовать группу — что-то вроде «Поющих Снайдеров». Я пел и играл на гитаре, а сестрица колотила в тамбурин и завывала вторым голосом. Одним из самых популярных хитов того времени была песня «Никто, кроме меня». В ней очень простые аккорды, а текст не запомнит только слабоумный: «Нет, нет, нет, нет, нет» — и так до самого конца.

Совершенно верно, это была т у п е й ш а я песня. Но мы разучивали ее днями напролет, до тех пор, пока она не стала звучать более или менее прилично. И мы решили исполнить ее для папочки.

Он вернулся домой с работы, и мы тут же набросились на него: «Эй, па, мы выучили ту песню, хочешь покажем?» Нас трясло от нетерпения.

«Отлично, сейчас, только сниму ботинки! Ну, давайте послушаем!»

«Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет...»

Когда мы добрались до конца, старик спросил: «Что это за чертовщина? «Нет, нет, нет, нет»?! И это вы называете песней? Мадж, ты слышала эту глупую песню? «Нет, нет, нет...».

Мы с сестрой ужасно расстроились. И потом, когда бы к нам ни приходили гости, на вопрос, кем собирается стать маленький Дэнни, я, рискуя навлечь на себя родительский гнев, неизменно отвечал: «Рок-музыкантом». Старик хмурился, а потом начинал хохотать: «Да что ты говоришь? Рок-музыкантом? Давайте я вам расскажу, как он однажды спел мне песню «Нет, нет, нет...». И все покатывались от смеха.

Я не думаю, что родители должны отговаривать своих детей от каких бы то ни было занятий, неважно, какими бы глупыми или нелепыми эти занятия ни казались. Только попробовав себя в разных областях, человек может найти свое место в жизни. Некоторые виды деятельности, производящие на первый взгляд впечатление абсолютно бесперспективных, в будущем могут оказаться главным делом твоей жизни. Вполне возможно, что от мечты до ее осуществления пройдет какое-то время. Но запрещать ребенку мечтать о карьере модельера, гонщика, циркового клоуна — кого угодно — значит, запрещать ему становиться личностью.

Я обращаюсь ко всем родителям: если ваш сын или дочь увлекаются спортом, музыкой, политикой — не препятствуйте! Надо радоваться, что оболтус проявляет интерес хоть к чему-то. Например, я всегда был жутким неряхой, каковым и продолжаю оставаться,— увидел бы ты комнату, в которой я сейчас пишу эти строки! Так вот, в девятнадцать лет я приобрел «форд-мустанг». Это был далеко не

новый «форд-мустанг», но это же была моя первая машина! И состояние ее в общем-то оказалось неплохим.

Я так балдел от своей колымаги, что вылизывал ее каждый день. Честно говоря, сам я мылся гораздо реже. Впервые я проявлял какую-то инициативу по отношению к внешнему виду своей вещи. На пятый день моего ползания с тряпкой вокруг автомобиля старик не выдержал и стать орать из окна, что ни один идиот не моет машину каждый день (что, собственно, является сущей правдой), что я кретин (и здесь он не грешил против истины), что я чудовищно трачу воду (ты же понимаешь, на счетах за воду мы разоримся, 32 доллара в полгода).

Поэтому я вообще перестал мыть машину. Такая же участь постигла и все мои следующие автомобили: салон, засыпанный бумажками от бутербродов, заваленный «отработанной» жевательной резинкой, банками из-под кока-колы; а полудюймовый слой грязи снаружи надежно скрывает первоначальный цвет кузова.

Наверное, постепенно мой энтузиазм в отношении мытья машины принял бы разумные формы. Ни один человек не моет машину каждый день на протяжении всей жизни! Так и я, сократил бы банные дни вначале до трех, а потом и до одного раза в неделю. Со временем мне бы вполне хватило одной ежегодной мойки. (Шутка.) Но по крайней мере я продемонстрировал энтузиазм, чувство ответственности и испытал от этого гордость — пусть даже на все эти положительные качества подвигнула меня обыкновенная машина. Примерно то же происходило и с моей группой. Она стала не источником развлечения, а способом самообразования — группа научила меня ценить время, отвечать за действия и поступки, которые я совершаю как часть коллектива.

Мои родители не видели всего этого, и по мере приближения конца учебы в нашем доме стал звучать Вопрос: «Чем ты собираешься в жизни заниматься?» Мой ответ был готов, но им он не казался достаточно разумным. Но я уже принял решение.

Родители — не единственные, кто полагал, что я двигаюсь к неудаче. За исключением моей жены Сьюзетт и нескольких друзей-музыкантов, которые понимали суть дела, не было ни одного человека, который не пытался бы меня отговорить: родственники, друзья, соседи — все. Всякий раз, когда группу начинали преследовать неудачи, обязательно находился кто-то, сочувственно говоривший: «Может быть, сейчас самое время бросить это дело?» Не позволяй кому бы то ни было влиять на твое решение! Очень многие из тех, кто уговаривал меня уйти из группы, проявляли ко мне искреннее участие, но, увы, это были именно те люди, которые в свое время уступили, распрощались со своей мечтой. Да это и сейчас заметно, даже в твоем классе: обрати внимание на тех, кто чувствует себя очень неуверенно в присутствии целеустремленных людей или тех, кто противопоставляет себя окружающим и двигается против течения.

Иногда я думаю: а что, если бы группа «Твистед систер» оказалась в числе неудачников? Стал бы я в течение десяти лет бороться с судьбой? Не показалось бы мне это сражение пустой тратой времени? Уверен: нет и еще раз нет! Конечно, радостей у неудачников мало, но я все равно чувствовал бы удовлетворение, зная, что сделал все возможное для успеха группы, и у меня не было бы сожалений по этому поводу. Очень важно никогда не горевать из-за того, что ты где-то ошибся, приговаривая: «Надо было бы...» или «Вот если бы я...» Я всегда говорил: «Я делал», или, на худой конец, «Я пытался». Если у тебя есть цель, иди к ней, особенно пока ты молод и не обременен большой ответственностью перед семьей. Это не значит, что ты не сможешь сделать карьеру позже — конечно же, сможешь, если искренне поверишь в свои силы. Просто в юности это чуть проще. И пусть тебя не пугает возможная неудача. Не думай о ней. Аксиома Ди Снайдера гласит: «Единственная неудача — это когда ты ничего не делаешь».

Конечно же, оценивай свои возможности и их пределы реалистично. Иногда они бывают чисто физическими: девушка ростом около 180 см и весом 90 кг, решившая стать балериной, испытает адовы муки, как и парень ростом около 150 см и весом 55 кг, избравший карьеру игрока в американский футбол. Кроме того, существуют и интеллектуальные границы. Лично я считаю себя достаточно способным человеком, но физик-ядерщик из меня вряд ли бы получился, хотя бы потому, что эта профессия совсем не в моем вкусе: насколько я знаю, в их лабораториях выступления рок-групп не поощряются.

Грань довольно тонкая: с одной стороны, тебе не хочется испытать разочарование, с другой — обидно отступать вот так за здорово живешь. А может быть, тебе суждено стать первой гигантского роста и веса балериной или первым королем футбольных полей «в весе пера»? Кто знает, может, в один прекрасный день я окажусь первым физиком-ядерщиком с «платиновым» альбомом.

Очень часто люди поддаются на стереотипы — «он не артистичный, а она вообще корова», и ведут себя соответствующим образом. Даже взрослые склонны к предубеждениям. В основе стереотипов могут быть национальность, пол, возраст, рост, вес, внешний вид — все, что угодно. «О, мужчина не должен возиться на кухне!» А большинство самых выдающихся поваров — мужчины! «Спортсмену не годится заниматься умственным трудом или подвизаться в искусстве!» И пошло — поехало.

Я сталкиваюсь с этим постоянно. Поскольку я звезда рока, считается, что я не в состоянии выполнять физическую работу, тем более делать что-то своими руками. Например, как-то я решил сделать клетку для кролика, которого мы подарили Джесси. Все принялись меня отговаривать, даже жена. Она подбирала потрясающие аргументы: «Ты уверен, что тебе этого хочется? Я думаю, вряд ли ты сумеешь...»

Короче, я купил книжку, в которой объясняется, как делать все — от «Космического челнока» до клетки для кроликов, украл на соседней стройке доски, забрал у обалдевшего отца молоток и гвозди. И, знаешь, я соорудил отличную клетку, способную выдержать прямое попадание водородной бомбы. Когда мой старик приехал навестить Джесси, он, увидев создание рук моих, страшно расчувствовался: «Ди, мальчик! Неужели это сделал ты?!», и полез обниматься.

Уверен, любой может сделать клетку для кролика, я также уверен, что плотник, который видит мое выступление на сцене или по телевизору, думает: «Эка невидаль! Да я натяну кожаные штаны, разукрашу морду, и этот придурок может отдыхать! Подумаешь!» Но всегда найдутся люди, которые скажут: «Ты так не сможешь». Не обращай на них внимания. Не позволяй другим накладывать на тебя ограничения. Я считаю, что очень многие были бы весьма кстати в искусстве, да и в любой работе: одни наверняка могут писать песни не хуже Пола Маккартни — просто они пока об этом не догадываются, другие — смастерить клетку для кролика не хуже Ди Снайдера (хуже просто невозможно). Все, что для этого требуется, так это взять и начать.

В следующий раз, когда кому-то вздумается отговаривать тебя от того, чем ты решил (решила) заняться,— «не записывайся в женскую хоккейную команду, в твою задницу будут попадать все шайбы» или «кончай ты это пение, у тебя же нет слуха»,— воспринимай это как личное оскорбление, но и как дополнительный призыв к действию. Препятствия для того и создаются, чтобы их ломать.

Перевел с английского Н. КАРЛИН

Окончание следует

В следующем номере: «Если ты еще ничего не решил», «Пользуйся благоприятной возможностью», «Колледжи и прочие учебные заведения», «Что такое успех», «Кто такой взрослый (и почему я должен им становиться!)» и многое другое.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Пожалуй, нет у наших журналистов киноактера более популярного, чем Сильвестр Сталлоне: о его могучий торс тупили перья все — начиная с признанных специалистов-международников и кончая первокурсниками. И очень хочется в духе времени совершить эдакий лихой кульбит и «реабилитировать» актера (слава богу, хоть не посмертно).

Какие тому могут быть основания! Во-первых, известно, что к ряду своих последних фильмов (к тому же «Рэмбо III» или «Кобре») он сам писал сценарии. Драматургия фильмов, что и говорить, не ахти, но все-таки труд интеллектуальный. Во-вторых, в интервью Сталлоне порой проявляет отличное чувство юмора — так, на вопрос, чем он пленяет столь многие женские сердца, ответ у него неизменен: «В красивом человеке должен быть хоть один недостаток, чтобы этот человек стал красивым по-настоящему. У меня их целых три: опущенные уголки глаз, неровные зубы и голос — говорят, что это голос вышибалы в подпольном игорном доме. Так что я не просто красив — я прекрасен». Ну а в-третьих (в-третьих потому, что Сильвестр Сталлоне фигура, безусловно, легендарная, а в сказках и легендах всего должно быть по три), стоило бы действительно попытаться разобраться, чем же именно он привлекает многих поклонников.

Попробуем сделать это на примере, пожалуй, самого знаменитого из сериалов актера — «Рэмбо». «Рэмбо: Первая кровь» (режиссер Т. Котчефф) дает нам предысторию: ветеран вьетнамской войны возвращается в родной город и, пораженный «пост-вьетнамским синдромом», вступает в конфликт с местными порядками и с настроенными против «этих полоумных ветеранов» полицейскими. Одиночество и неустроенность героя не могут не вызывать симпатий, отторжение, остракизм, которому его подвергают жители мирного сонного городка, не могут не вызывать негодования, а ловкость, умение обращаться с самыми разными видами оружия и блистательные успехи в «науке выживания» не могут не восхищать мальчишек всех возрастов и континентов. Фильм этот вышел задолго до того, как мы сами встретились с парнями, покалеченными зримыми и незримыми рубцами войны, которая велась ради чуждых рядовым ее участникам целей в чужих краях. Потому тогда и фильм этот воспринимался как апология жестокости теми, кто не знал всей правды.

«Первая кровь» была настолько коммерчески успешной, что режиссер Джордж П. Косматос снял продолжение — «Рэмбо II». Главный герой возвращается в джунгли Вьетнама, чтобы спасти боевых товарищей из лагеря военнопленных. Фильм этот согревал мальчишечьи сердца по трем причинам: в какой-то степени восторжествовала справедливость — признав превосходные боевые качества героя, военные власти облекают его высокой миссией. Далее: страстная убежденность Рэмбо в справедливости своей миссии обезоруживала — по крайней мере, на время просмотра,— зрителя, который мог усомниться в гуманности методов, которыми герой действовал. И, наконец, зритель вновь убеждался в том, в чем он всегда был убежден: властям все равно наплевать на человека, даже и такого замечательного, как Джон Рэмбо, поскольку власти, оказывается, посылали его на мертвое дело вовсе не ради спасения военнопленных, а ради своих, лишь властям известных целей.

Этот фильм обидел наших критиков уже всерьез: ведь с Рэмбо сражались не только вьетконговцы, но и наши военные, которые в фильме представлены страшными злодеями. Да, фильм, безусловно, работал на создание у обычного малолетнего американца «образа врага» в виде советского офицера. Но, скажите откровенно, разве мало было подобных фильмов и у нас! (Вспомним хотя бы мужественный ответ в виде «Одиночного плавания», где роль Сталлоне исполнял Михаил Ножкин.) Так что в отличие от «Первой крови» «Рэмбо II» стал заложником времени — времени безудержной клеветы друг на друга, ушедшего, надеемся, безвозвратно.

Совсем — с точки зрения времени — не повезло «Рэмбо III». Здесь наш герой вынужден прервать свое пребывание в буддийском монастыре в Таиланде, где он коротал время в занятиях местными видами спорта (что само по себе несколько немотивированно), чтобы отправиться в Афганистан. Естественно, спасать из рук русских своего единственного друга, бывшего командира. Этот фильм, поставленный Питером Макдональдом, по части драк и чудесных спасений от неминуемой гибели оказался самым неудачным — видимо, традиционная участь всех «продолжений» «продолжений». Да и герой Сталлоне куда менее убедителен, чем в первых двух лентах. Но самый большой удар, как уже говорилось, фильму нанесло время. Журнал «Тайм» писал: «Рэмбо III» вышел на экраны на редкость невпопад — как раз, когда русские начали выводить свои войска из Афганистана. Но разве может дух гласности и нового мышления сравниться с потребностями актерского «я» и ожиданиями поклонников! Кто-то же должен поддерживать традиции!» — так иронично заканчивает рецензию американский автор.

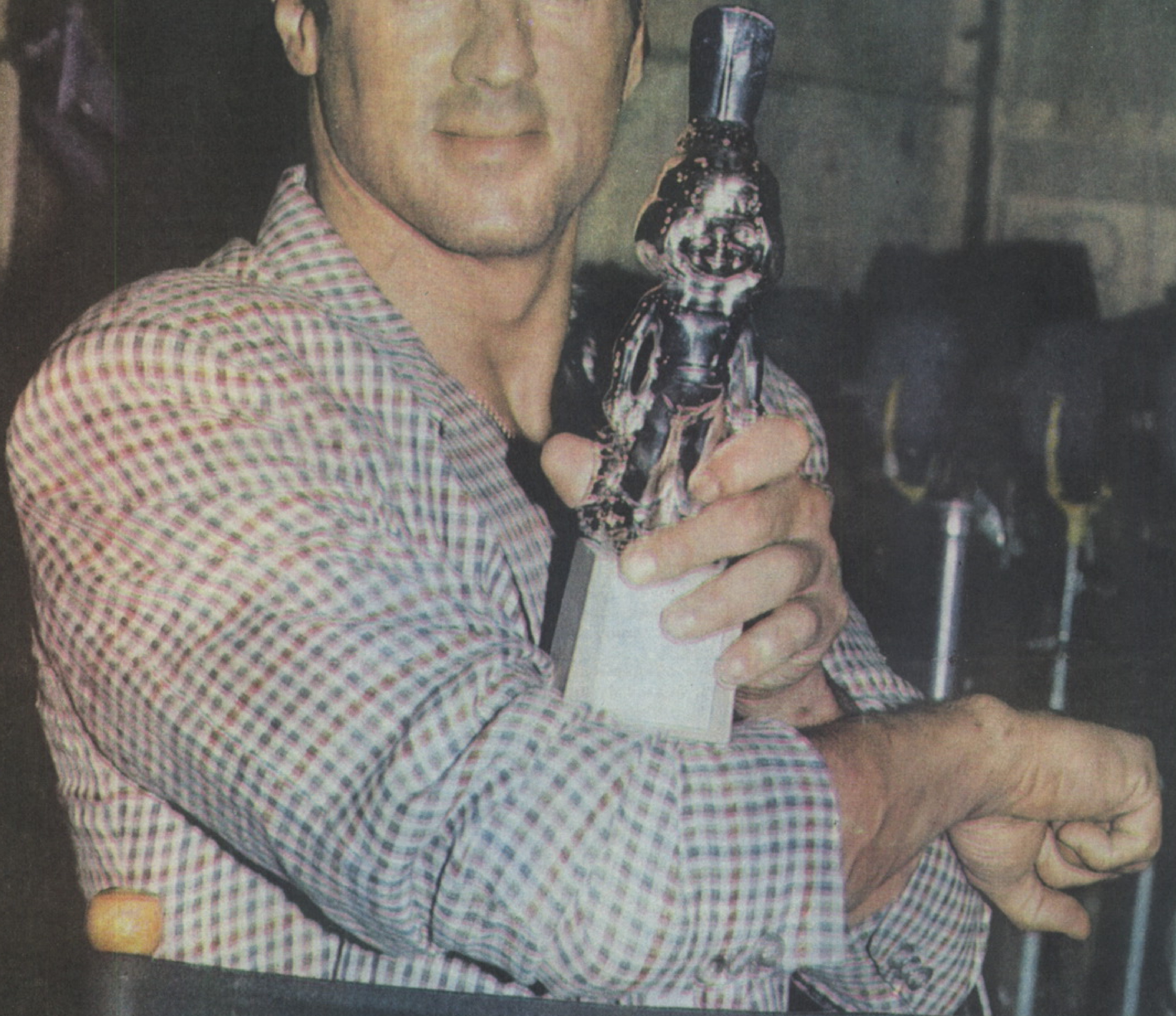
По поводу Сталлоне в американской прессе вообще принято иронизировать, да и он, признаться, давал для этого поводы — и сериалами типа «Рэмбо», «Роки», и неумеренными самовосхвалениями в начале «сериальной» карьеры. Как позже сказал он в одном из интервью: «У меня немного разум помутился — я не знал правил игры по имени «слава». А надо было просто лечь на дно — пусть бы с моей славой игрались другие. Теперь уже поздно что-то менять: ведь первое впечатление — всегда самое сильное».

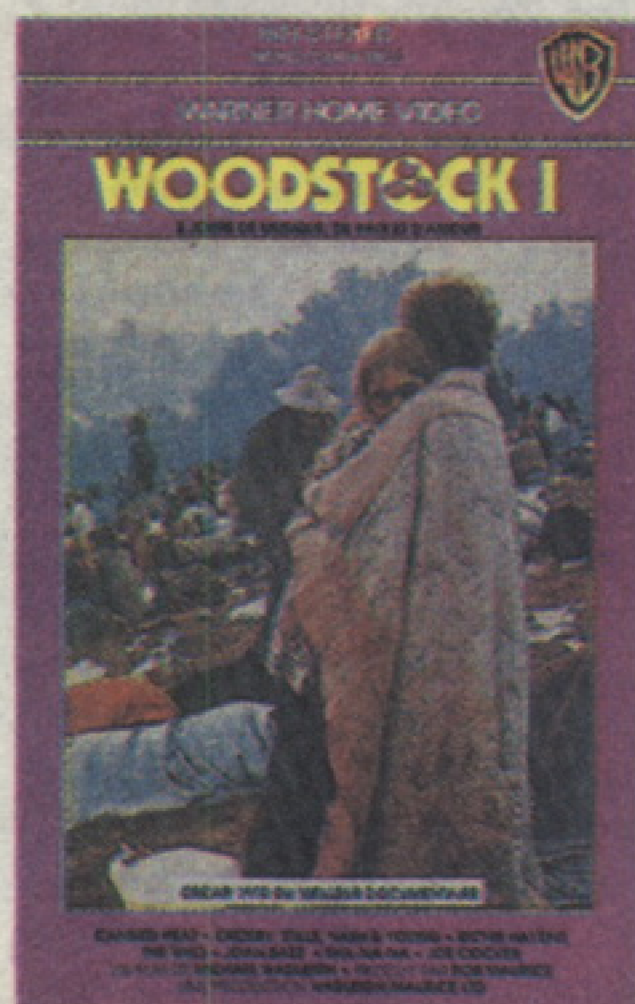
И верно: это «сильное впечатление» мешает разглядеть за мощными героями сериалов другого Сталлоне — актера достаточно тонкого, склонного даже посмеяться над собой (что было им продемонстрировано в крохотной эпизодической роли в фильме «Как выжить», где Сталлоне, сыграв «классического Сталлоне», высмеял созданный им самим стереотип). Роль полицейского в фильме «Ночные ястребы» также доказывает способность актера к работам более глубокого психологического характера — здесь противником Сильвестра Сталлоне выступает великолепный голландский актер Рутгер Хауэр, и эта вражда-партнерство полицейского из особого отдела по борьбе с терроризмом и террориста международного класса превращает традиционный боевик в нечто большее.

Но что верно, то верно: первое впечатление — всегда, увы, самое сильное...

П. ВАГИНА

SILVESTER STALLONE

«Вудсток» («Уорнер хоум видео»), части I и II. 3 ч.

До 1969 года в общем течении рок-кино, начало которому положил «Дикарь», снятый Ласло Бенедеком в 1954 году, самого рока, как ни странно, не было. То есть были художественные фильмы — «Рок круглые сутки» 1956 года, «Люби меня нежнее» с Элвисом Пресли, 1957 год, «Вечер после трудного дня» и «На помощь!» «Битлз». Но все эти фильмы были про то, как герой или герои жили-были, и пели, и играли. Рок сам по себе появился на экранах только в 1969-м, когда вышли первые документальные ленты: «Монтерей-поп», «Не оглядывайся назад» и «Вудсток».

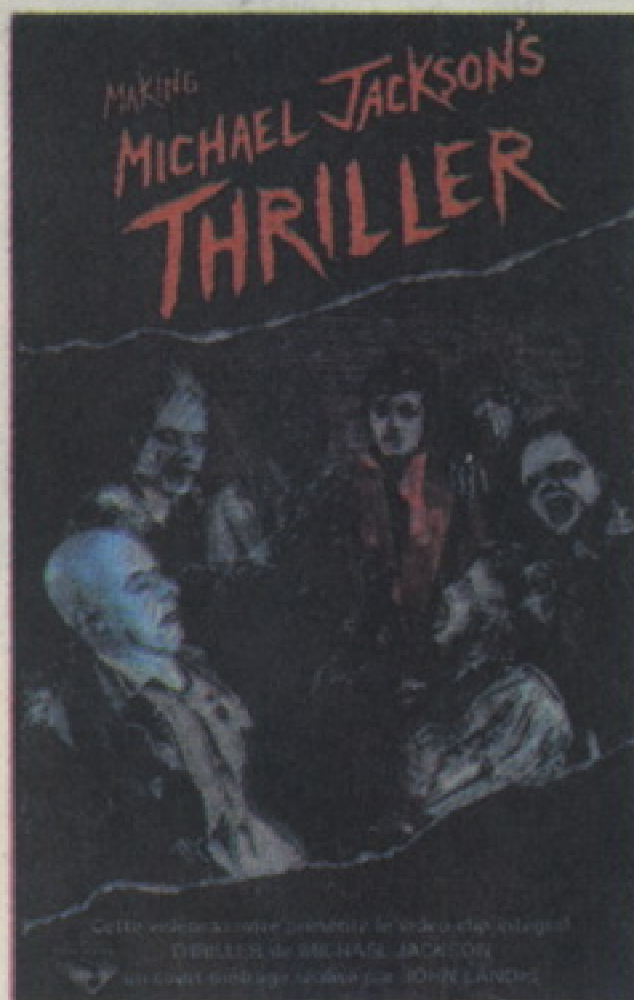
«Вудсток» снят Майклом Уодлеем и смонтирован знаменитым Мартином Скорсезе. Хендрикс, «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг», «Десять лет спустя», «The Who» и другие звезды в обрамлении неповторимой (увы — уже) атмосферы единения сотен тысяч зрителей. Таков был тот первый фильм о Вудстоке. Двадцать лет спустя компания «Уорнер» выпустила юбилейную вторую часть, в которой представлены Дженис Джоплин, «Грейтфул дэд», «Криденс», а также показано — и это, может быть, самое интересное,— что происходило вокруг концерта.

«Как делался «Триллер» Майкла Джексона» («Уорнер хоум видео»). 1 ч.

Это довольно интересная лента — фильм о том, как снимался видеоролик. И смонтировал его режиссер Джон Лэндис, снимавший в свое время сам «Триллер». У Джона Лэндиса вообще очень острый взгляд на творчество музыкантов — чего только стоит его знаменитый фильм «Братья Блюз», где в самых разных забавных ролях снялись великие Арета Фрэнклин, Джерри Ли, Хукер, Джеймс Браун, Рэй Чарлз (в эпизоде представлена даже Твигги, известнейшая манекенщица 60-х, ставшая потом певицей).

В этом фильме Лэндис во всех деталях показывает нам работу Майкла Джексона — кадры репетиций «мертвяков», отработки знаменитых танцевальных па стоят самого «Триллера». Кстати, и «Триллер» представлен на ленте полностью.

А в завершение — великая «Билли Джин», песня, с которой и начался феномен Майкла Джексона.

«Битлз» — специальное издание»

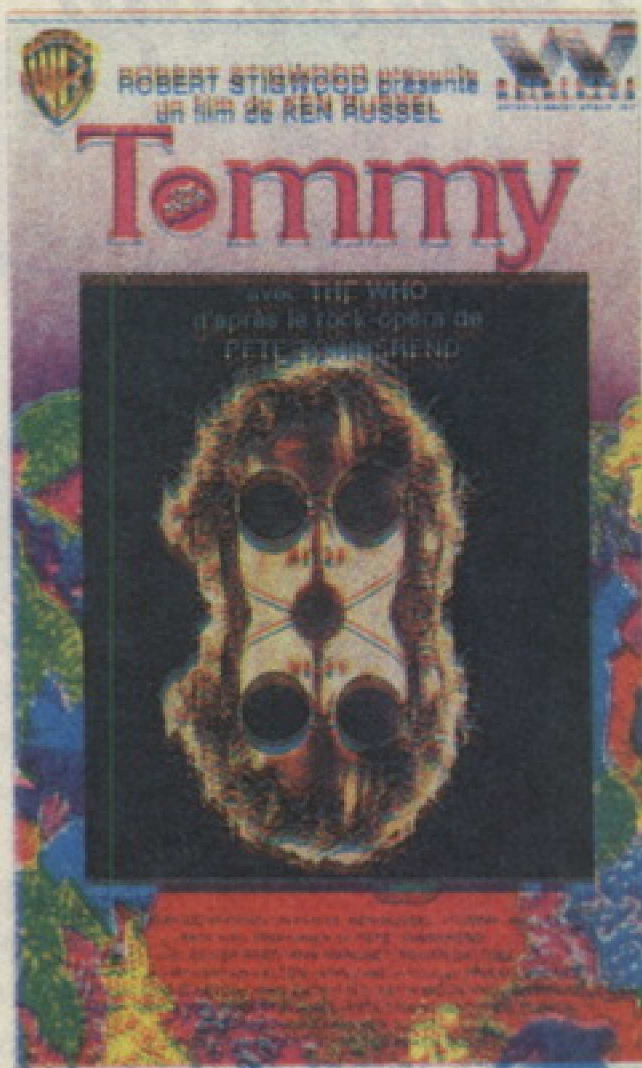
Видеоистория «Битлз», увы, не так радужна, как хотелось бы нам во времена расцвета видео: права на съемки концертов группы чаще всего принадлежат не тем, кто владеет правами на музыку (и наоборот). Если приложить усилия, можно отыскать двадцатиминутный ролик «Ready, Steady, Go!» (1964 г.) в черно-белом варианте, поскольку изначально это была телепередача, в которой английские школьницы вволю накричались от восторга под звуки знаменитых песен тех лет. Известен и 55-минутный фильм Фила Спектора «Джон Леннон в Нью-Йорке», запечатлевший знаменитый концерт Леннона с «Плэстик Оно Элефант Мемори Бэнд» 30 августа 1972 года. В наши дни также трудно найти качественные видеокопии смешных фильмов режиссера Ричарда Лестера «Вечер после трудного дня» (1964 г.), «На помощь!» (1965 г.), но зато нет никаких проблем с «Желтой подводной лодкой» (1968 г.). Можно также насладиться фильмом о том, как записывалась пластинка «Пусть будет так». Поэтому лента «Битлз» — специальное издание», в котором собраны записи некоторых их концертных выступлений, может доставить поклонникам массу удовольствия.

«Синди Лопер в Париже» («Полигрэм мюзик видео»). 1 ч. 15 м.

Этот концерт, хотя и добросовестно снятый 14 камерами во время концерта Синди Лопер в парижском зале «Зенит», мало чем отличается от фильмов «видовых». Вероятно, не найдя иного подхода к творчеству певицы, режиссеры решили «разбавить» концерт экскурсией по Парижу, которую ведет сама Синди Лопер — она представляет зрителям Триумфальную арку, площадь Согласия и другие достопримечательности.

Но сама «экскурсовод» настолько здорово держится на сцене, она настолько необычна (кстати, «Она настолько необычна» — это название «платинового» диска певицы, вышедшего в 1984 году; песни с него тоже вошли в фильм), что достаточно было бы, честно говоря, и ее одной — без участия достопримечательностей. А биография певицы, долго и упорно шедшей к вершине славы, сама по себе могла бы стать сюжетом для фильма. Чего только стоит удар, нанесенный ей судьбой в 1977 году: у нее пропал голос, и специалисты заявляли, что она никогда больше не сможет петь... Чем не тема для назидательной киноленты!

«Томми» («Уорнер хоум видео»). 1975 г. 1 ч. 51 м.

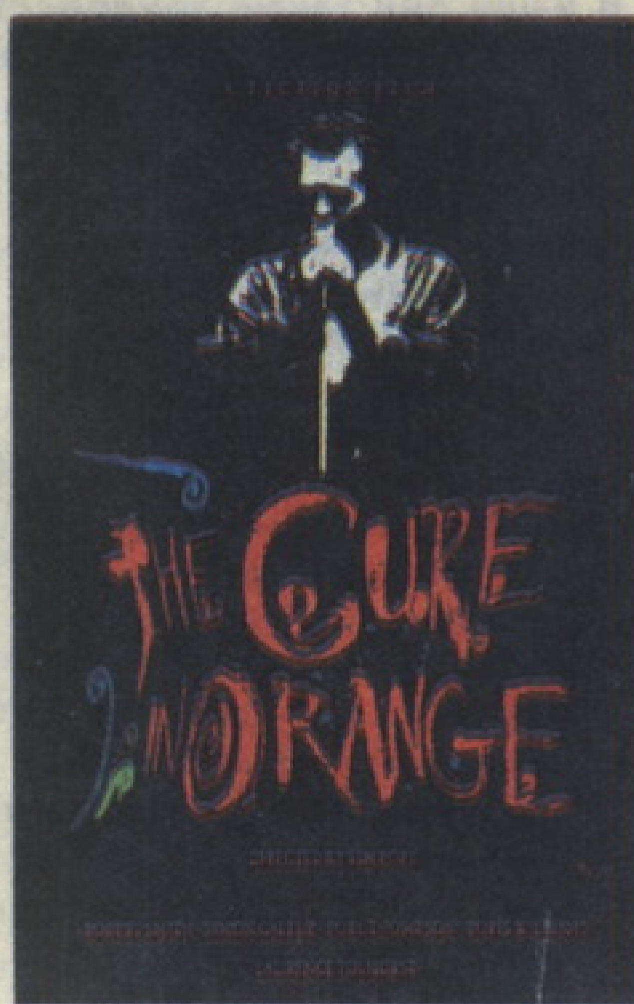
Этот фильм поставлен Кеном Расселом по одноименной рок-опере группы «The Who». Надо сказать, что на сцене группа представляла оперу (записанную на пластинку в 1969 г.) лишь дважды — в лондонском «Колизеуме» в 1969 году и через год — в нью-йоркском зале «Метрополитэн-опера». Выступления стали легендарными, и легенда, созданная группой,— о слепоглухонемом юноше, ставшем чемпионом по китайскому бильярду, а затем — гуру в вымышленном тоталитарном государстве,— была возрождена режиссером Кеном Расселом. Главную роль в фильме сыграл вокалист «The Who» Роджер Долтри, снимались в нем также Тина Тернер, Элтон Джон, многие другие рок-музыканты и кинозвезды, например, Энн-Маргарет.

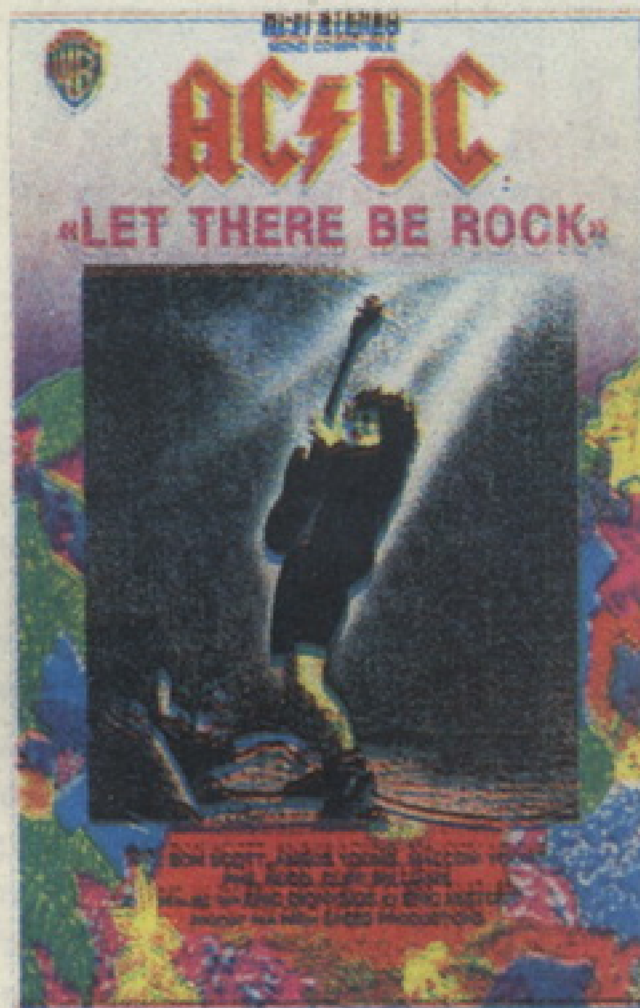
Фильм был сенсацией 70-х годов — року тогда еще приходилось отстаивать свои права на существование наряду с «высокими искусствами», поэтому попытки создателей рок-опер и попытки создания «серьезных» рок-фильмов были просто обречены на успех у молодых зрителей и у зрителей постарше, которые очень хотели считаться «прогрессивными».

«Кьюэ» в Оранже» («Полигрэм мюзик видео»). 1 ч. 53 м.

Те, кто посмотрит эту ленту, отснятую во время концерта в 1986 году во французском городе Оранж, безусловно, согласятся, что она имеет полное право называться, как это и обозначено в титрах, «художественным фильмом». «Кьюэ», как известно, группа невидеогеничная: музыканты практически не передвигаются по сцене во время концертов, как бы подчеркивая свое «монолитное» единство во главе с Робертом Смитом, за которым и вовсе ходит слава, что он может простоять несколько часов не шелохнувшись (таких бы людей да в наши очереди!). Однако все 23 песни, вошедшие в фильм, смотрятся и слушаются на одном дыхании благодаря талантливой работе режиссера ленты, штатного «видео-клиппера» «Кьюэ» Тима Попа.

С помощью нескольких десятков камер Поуп, в сумасшедшем ритме перемежающий крупные планы Роберта Смита, завороженных лиц зрителей, создал совершенно новый по своей эстетике рок-фильм, в котором столь порицаемое старшим поколением буйство молодежи на концертах уступает место еще более хлесткой неподвижности.

«Да будет рок» («Уорнер хоум видео»). 1980 г. 1 ч. 37 м.

Для поклонников австралийской группы «АС/ДС» эта лента не самое веселое зрелище. На ней запечатлен покойный Бон Скотт: это его последняя съемка, и сделана она французскими кинематографистами.

К сожалению — кто же знал! — авторы фильма сосредоточили почти все свое внимание на крупных планах сильно веселящегося «юного пионера» «АС/ДС» гитариста Энгуса Янга, хотя и исполняющего «Дорогу в ад».

В свое время рецензенты написали об этой видеокассете: «Это готовые к употреблению рок-консервы: 13 порций сильно перченного рока, а на десерт — «Высокое напряжение».

Надо сказать, что у «законсервированных» в пластинках и магнитофонных пленках «АС/ДС» поклонников много, тем не менее смотрятся они еще интереснее, чем слушаются: они умеют по-настоящему веселить публику. Так что пока «АС/ДС» до нас еще не доехали, посмотрим хотя бы, как другие «заводятся»...

«Представьте себе: Джон Леннон» («Уорнер хоум видео»). 1989 г.

Этот фильм смонтирован из документальных кадров и основан на книге, которую Йоко Оно издала в 1988 году. Книга и фильм стали ответом на книгу Альберта Голдмана «Жизни Джона Леннона», которую и Йоко Оно, и друзья артиста называли «клеветнической».

«Джон Леннон не был ни мифологическим героем, ни чудовищем. Он был художником и человеком. Он пел и писал песни, играл на гитаре и выступал на сцене. Но, делая эти простые вещи, он стал одной из самых выдающихся творческих личностей своего времени. Он был женат, у него было два сына, и он слишком рано ушел из жизни. Но все это можно сказать о любом человеке...» — так сказала об этом фильме Йоко Оно. «Я хочу правды»,— пел Джон Леннон в альбоме «Представьте себе». Фильм — попытка представить правду о Джоне Ленноне.

Индекс 70781
Цена 35 коп.